

ВИНЕ МЕИР

ПОПАДАНКА ДЛЯ ТЕМНОГО

1

Девушка
для
темных
розов

Вине Меир

**Сад черных роз.
Попаданка для темного.**

«Литнет»

2025

Меир В.

Сад черных роз. Попаданка для темного. / В. Меир — «Литнет», 2025

Меня волокли по коридору, вверх по узкой лестнице. Где-то в глубине сознания, сквозь туман боли и унижения, пробивались чужие слова: «Герцогу понравится подарок». Значит, меня везут не просто в бордель. Меня везут к нему. Лично. В качестве живого трофея, оплаты по долгу. Встреча с Калехом Рэйвенхерстом была тем, чего я втайне хотела, но совсем не таким образом. Теперь это была не возможность договориться, чтобы выйти из сюжета живой. Это была аудиенция у палача. Не успела попасть в другой мир, как стала разменной монетой в долге своего «отца». Но все ли будет так плохо? Или у меня еще есть шанс выжить?_____Первую неделю главы ежедневно. Далее по расписанию: ПН, СР, ПТ.

Содержание

***	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Арт. Глава 3	16
Глава 4	17
Кaleb Рэйвенхерст. Визуал.	20
Себастьян Хоу. Визуал.	21
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	30
Арт. Глава 8	33
Глава 9	34
Глава 10	38
Арт. Глава 10	41
Глава 11	42
Арт. Глава 11	46
Глава 12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

С уст сорвался тихий, предательский стон. Не от страха. От этого внезапного, запретного, приятного ощущения, которое разлилось по жилам теплом, противостоя ледящему ужасу в глубине сознания. Чёрт побери.

— Не дёргайся, — прозвучал над самым ухом низкий, бархатный голос, в котором слышалось холодное спокойствие и... наслаждение ситуацией. — И больно не сделаю. Пока.

Этот голос. Я слышала его лишь однажды, мельком, на балу, но забыть его было невозможно. Глубокий, властный, с лёгкой хрипотцой. Кaleb Рейвенхерст.

Его губы снова коснулись кожи на моей шее, но теперь это был уже не просто намёк. Я почувствовала острое, точечное давление, лёгкий укус, за которым последовала волна странного, дурманящего тепла. Не боли. Скорее... головокружения. Он не просто кусал. Он «пил». Медленно, почти ласково, его рот прильнул к тому месту, а язык скользнул по коже, заставляя меня содрогнуться.

Рука, лежавшая на бедре, сдвинулась выше, скользнула по внутренней стороне бедра, заставив всё моё тело напрячься в ожидании, в ужасе и в каком-то порочном, неконтролируемом любопытстве. Пальцы двигались с уверенностью человека, знающего, что ему принадлежит. Каждое прикосновение было одновременно лаской и напоминанием о моей полной беспомощности.

— Ты пахнешь непокорностью, — прошептал он. Его губы оторвались от моей шеи на мгновение. — Интересная...

Я попыталась заговорить, протестовать, но из горла вырвался лишь ещё один сдавленный звук. Его рука продолжала своё медленное, неумолимое движение, ладонь теперь лежала на самом интимном месте, лишь тонкий слой ткани отделял его кожу от моей. Давление было лёгким, но недвусмысленным.

— Про... шу...

— Что? Хочешь больше? Проси громче...

Глава 1

Шум кондиционера, приглушенный гул голосов, мерцание экранов — всё это сливалось в один монотонный гул, под который так легко было провалиться в себя. И Я, Анна Калинина, двадцать шесть лет, старший специалист отдела, который никто никогда не замечает, сейчас пялилась не в таблицу Excel, а в пустоту за монитором. Ну... Точнее, не в пустоту. На фигуру у кулера в дальнем конце зала.

Андрей. Просто Андрей из логистики. Не «тот самый» из романтических комедий, не герой романа. Нет. Обычный парень в обычной синей рубашке и темных джинсах, которые, кажется, у него одни на всю неделю. Может, конечно, он просто покупает одинаковые, чтобы слишком не заморачиваться из-за внешнего вида, но какое-то в этой обыденности была какая-то гипнотическая притягательность. Может, в том, как он с сосредоточенным, чуть нахмуренным видом менял бутыл, и мускулы на его предплечье плавно напрягались и расслаблялись под тонкой тканью. Простая, земная физиология, лишенная всякого пафоса. А может, его простое, не отталкивающее, но непримечательное лицо, и эта улыбочка на губах.

Да. Мне этого и хотелось — чего-то простого и приземленного. Не страстей, а тишины. Не взрывов эмоций, а совместной поездки на машине в субботу утром, когда не нужно говорить, можно просто молчать, глядя в окно.

Я мысленно дорисовывала эти картинки, пока реальность медленно отступала. Но стоило представить, как я подхожу и говорю что-то не о работе, как в горле тут же возникал ком, а слова в голове путались в нелепый, жалкий клубок. Так и жила — в параллельных мирах: в одном наблюдала, в другом — мечтала, а в третьем, настоящем, молчала.

— Анют, витаешь в облаках! Или уже в его объятиях?

Резкий шёпот справа врезался в мои грёзы, как нож в масло. Я вздрогнула всем телом. Елена. Моя лучшая подруга, мой личный пророк и одновременно самый беспощадный зеркалащик. Она хихикнула.

Я моргнула. И с удивлением обнаружила, что верчу в пальцах ту самую дорогую гелиевую ручку — трофей с прошлого квартала, символ моей якобы «ценности». И что по моему указательному пальцу стекает тонкая чёрная струйка. Она уже успела оставить на чистом бланке отчёта маленькую, но красноречивую кляксу.

— А? Ой, чёрт! — вырвалось у меня, и я судорожно швырнула ручку на стол, как предателя. Схватила салфетки, давя на них так, будто хотела уничтожить саму память о случившемся и принялась тереть ими по руке, пытаясь хоть как-то исправить это положение.

— Говорю же, чернила потекли, — усмехнулась подруга, откидываясь на спинку кресла с видом кошки, наблюдающей за мышкой. — Но, похоже, не только они, да? — Она игриво подняла брови, и в её глазах заплясали знакомые искорки, не предвещающие ничего хорошего. — Что, Андрейка окончательно покорило твоё сердце своим мастерским обращением с бутылками? А он, между прочим, совершенно свободен. Так, на всякий случай, информация к размышлению.

Я почувствовала, как по моей шее медленно и неумолимо поползло предательское тепло. Оно подбиралось к щекам, к ушам, готовясь выдать меня с головой. Я ненавидела эту свою физиологическую несвободу. Ненавидела, как тело отказывалось подчиняться, выдавая все мои глупые, никому не нужные чувства. И больше всего в этот момент я ненавидела Елену за то, что она видит это всё без микроскопа. Почему мы до сих пор дружим?

— Чего? — выпалила я, слишком громко, слишком резко для офисной усыпляющей тишины. Несколько голов из соседнего отсека повернулись — не с интересом, а с ленивым, мимолётным раздражением. Ещё одна причина для стыда. — Ничего и не приглянулся! — шикнула я намного тише, — Просто... задумалась.

— Задумалась, — скептически протянула она, растягивая слово, будто пробуя его на вкус и находя его фальшивым. — Ты на него уже минут пять таращишься, как сом на новую корягу. Даже не заметила, как ручка устроила тебе мини-татуировку. И это ты называешь «просто задумалась»? Мне, наверное, стоит приглянуться к словарям. Потому что иначе я не понимаю значения этих слов.

— Я тебе лично такой подарю, — выдала я. Раздражение подкатило прямо к горлу. Оно было направлено на всё: на свою неловкость, на Елену за её безжалостную ясность, на Андрея за его спокойную неосведомлённость, на эту дурацкую ручку, на этот проклятый офис, на всю мою жизнь, которая сводилась к наблюдению из-за монитора.

— Не носи ерунды, Лен! — бросила я, вставая. Стул издал пронзительный скрип по полу. — Всё. Отстань. У меня работа. Надо себя в порядок привести!

Я схватила пачку салфеток — они холодно хрустнули в моей потной ладони — и, не глядя на подругу, направилась прочь.

Моя походка, которую я пыталась сделать уверенной, вышла деревянной, как у манекена. Каждый шаг отдавался в висках. Уборная. Мне нужно было дойти до уборной, умыться холодной водой, стереть с пальца это чёрное пятно и с лица — этот жар. Спрятаться, хотя бы на пять минут, от всех этих глаз, которые, как мне казалось, теперь видят меня насквозь. Как и он, что на мой возглас повернулся, вопросительно смотря.

Стыдоба...

А тут тихо и спокойно.

Я включила воду — ледяную, как всегда, в этом офисе никогда ничего не работает как надо, — и начала с яростью тереть пальцы. Мыльная пена взбивалась в белесые хлопья, смешиваясь с чёрными разводами, но толку было ноль. Эти чернила въелись намертво.

— Чёрт возьми, — шумно выдохнула я, прекращая это бесполезное театральное действо. Облокотилась влажными, леденящими ладонями о холодную же столешницу раковины и уставилась на своё отражение. На ту, что смотрела на меня из зеркала каждый день.

Каштановые волосы, у корней уже проглядывала тёмная полоска — мамина «русская прядка», как она её называла. Собрано в небрежный хвост, из которого вечно выбивались тонкие пряди. Серо-зелёные глаза. Мама говорила: «цвет морской волны в пасмурный день». Я же видела в них лишь неопределённость. Прямой нос, ничем не примечательный. Губы обычные, не тонкие и не пухлые. Бледная кожа, на которой от бессонных ночей и сидения перед монитором уже легли лёгкие, но упрямые тени под глазами. Ни красивой, ни уродливой. Средней. Такой, как тысячи других. Невзрачной. Человек-фон.

Да. Я никогда не была фанаткой радикальных перемен. Моя вселенная укладывалась в чёткие, безопасные рамки: стрижка раз в полгода у Татьяны из салона у метро — ведь она не задаёт лишних вопросов. Бесцветный лак или просто уход за кутикулой — дресс-код не нарушает. Может, чуть подкрасить волосы у корней, чтобы скрыть ту самую прядку. Но наращивать ресницы? Колоть в губы гиалуронку? Зачем? Чтобы потратить кучу денег, перетерпеть боль и неловкость, а в итоге всё равно остаться собой, только с чужим, не своим лицом? Нет, это было не про меня.

«Хотя... стрижку можно освежить», — промелькнула мысль, маленькая, коварная и тихая. Я наклонилась ближе к зеркалу, разглядывая отросшие, безжизненные кончики. «Каре? Чёткое, графичное. Или... лёгкую химию? Чтобы такие волны были, немножко небрежные».

И тут же, без моего разрешения, мысленный взор услужливо нарисовал картину: я вхожу в офис с новой, стильной причёской, волосы блестят, укладка держится. Андрей поднимает голову от монитора. Его взгляд — обычный, рассеянный — скользит по мне, задерживается. Всего на секунду дольше. А в его глазах появляется та самая искорка, которую я так жадно искала в своих фантазиях. Интерес. Не как к коллеге, а как к женщине.

«Или... перманент? Чтобы глаза казались выразительнее?» — сама удивилась я этой настойчивой, почти навязчивой идее. Сердце ёкнуло где-то в районе желудка. Неужели? Неужели, чтобы поймать этот мимолётный взгляд, я готова была на такое? На то, чтобы изменить саму себя, пусть и временно? Стать немного другой, не собой?

Горячая волна, как там, смесь стыда, злости и какого-то острого самоотвращения — нахлынула изнутри, смывая все эти дурацкие картинки.

— Нет уж! — твёрдо, почти с вызовом проговорила я вслух, отталкиваясь от раковины. — Вот ещё! Буду я из-за кого-то меняться! Это же... унижительно.

Я вытерла руки бумажным полотенцем, с силой смяв его в тугую, мокрый комочек, и швырнула в урну. Попала точно. Маленькая победа. Но тут же, из самой глубины, поднялся тихий, неуверенный голосок, похожий на шёпот: «А если он и правда обратит внимание? Если... понравлюсь ему вот такой, какая есть? Просто так. Без химии, без новой стрижки. Просто потому что я — это я?»

В этот самый момент из соседней кабинки донёсся звук смыва воды в унитаз.

Я вздрогнула всем телом, как пойманная на горячем. Мысль о том, что весь мой жалкий монолог, все эти внутренние метания мог кто-то подслушать, заставила кровь с силой прилить к лицу. Щёки запылали так, что стало физически жарко. Не думая, почти бегом, я выскочила из уборной, устремив взгляд в пол, стараясь не встречаться глазами с выходящей оттуда женщиной — Маргаритой Петровной из бухгалтерии, чей пронизательный взгляд, казалось, прожигал меня насквозь и определенно точно знал, о чем я там подумывала.

«Нет... я все-таки идиотка».

Глава 2

Вечер тянулся мучительно медленно. Хочется домой. Уже достало все это. А может, уволиться? Нет... чем платить за квартиру? Не хочу возвращаться в родительский дом.

Черт бы побрал это руководство! И этот «срочный и важный» проект по договорам, что свалился на нас, как бетонная плита, заставив весь отдел вжаться в кресла! Я пробивалась сквозь дебри юридических формулировок, чувствуя, как череп наливается свинцом, а веки наливаются тяжестью, будто их кто-то подвешивает на невидимых грузиках.

Украдкой глянула на часы в углу монитора — 20:40. Взгляд сам собой, предательски, сорвался в сторону отдела логистики. Стол Андрея был пуст. И тут же я увидела его — у самого выхода, уже в куртке, с сумкой через плечо. Он посмотрел в мою сторону. Поймав мой взгляд, улыбнулся. Просто. По-дружески. И помахал рукой. Небрежно, легко. Потом развернулся и вышел за стеклянную дверь.

У меня на мгновение перехватило дыхание. Этот жест, этот взгляд... в моём уставшем, забитом параграфами мозге он вспыхнул не искрой, а целым фейерверком — маленьким, глупым, но ослепительным. Я машинально, смущённо помахала ему в ответ в пустоту, хотя он уже давно не видел.

«Просто вежливость, — тут же одёрнула я себя, заставляя пальцы снова застучать по клавиатуре. — Коллегиальная вежливость. Не придумывай».

Но тёплое, дурацкое, сладкое чувство уже разлилось под рёбрами, согревая изнутри и делая унылый текст на экране чуть менее ненавистным.

Город встретил меня не дождём, а холодным, пронизывающим до костей ливнем. Вода не падала, а низвергалась сплошной, гулкой стеной, превращая асфальт в чёрное, рябое зеркало, где тонули кроваво-красные и ядовито-синие отражения неона. Я раскрыла зонт, но первый же шквалистый порыв ветра вывернул его наизнанку с громким, похабным хлопком. Ткань захлестнула мне лицо, мокрые спицы блеснули, а у меня уже не осталось сил, чтобы «держать себя в руках».

— Прекрасно! Просто идеально! — прошипела я сквозь стиснутые зубы, сражаясь с мокрым нейлоном. В конце концов сдалась, сложила жалкие остатки защиты и, натянув капюшон тонкой куртки, побежала к остановке через дорогу. Вода моментально нашла лазейку за воротник, ледяная струя поползла по позвоночнику, а туфли отчаянно скользили по мокрой плитке, грозя обернуться падением при неудачном шаге.

Я перебежала на мигающий зелёный, сердце колотилось где-то в горле от нелепой, неуклюжей пробежки. И в этот момент мозг, будто в насмешку, выдал картинку. Чёткую, яркую, как кадр из фильма. Не офис. Уютное кафе с тёплым светом и запахом свежей выпечки. За столиком у окна, за которым стекают дождевые струи, сидим мы. Я и Андрей. Он что-то рассказывает, жестикулируя, и смеётся. Не сдержанно, а громко, открыто, закинув голову. И я смеюсь в ответ, чувствуя не привычное напряжение в плечах, а странную, почти забытую лёгкость. Глупо. Невероятно. Но так тепло внутри и так горько на языке.

«Завтра, — пообещала я себе, спотыкаясь о невидимую неровность. Ноготь на мизинце отозвался резкой болью — наверное, сломался. — Завтра подойду. Просто и прямо. «Андрей, не хочешь выпить кофе после работы? Как коллеги». И всё. Будь что будет».

Я была уже в двадцати метрах от укрытия остановки, когда сбоку, с парковки у соседней башни, послышался знакомый, ровный рокот двигателя. Инстинктивно обернулась. Из-под бетонного козырька выруливал серый Volkswagen Passat. За рулём был он. Андрей. Он снова меня увидел в окно. И снова улыбнулся. На этот раз шире, будто обрадовался этой случайной

встрече среди всеобщего бегства от дождя. Он поднял руку и явно, выразительно помахал мне. Не спеша, аккуратно, он начал поворот на основную магистраль, включив левый поворотник. Его фары выхватили из мрака миллиарды падающих игл дождя.

Я замерла посреди тротуара. Глупая, неконтролируемая улыбка растянула мои губы, смывая с лица усталость. Он помахал. Дважды за вечер. Это... это уже не просто вежливость. Это знак. Должен же быть знак?

Я не увидела огромный тёмно-синий внедорожник, вылетевший с прилегающей улицы. Он мчался слишком быстро, шины шипели на лужах, выплёскивая веера грязной воды. Водитель, яркий экран телефона которого отражался в лобовом стекле, поднял голову слишком поздно. Он проскочил на только что загоревшийся красный, как призрак, рождённый ливнем и беспечностью.

Андрей, совершавший свой плавный, законный поворот, оказался прямо в его слепой, стремительной зоне.

Звук удара был приглушённым, тяжёлым, влажным — словно кто-то с размаху швырнул на землю огромный мешок с мокрым песком.

Я увидела, как задняя часть серого седана неестественно, с кошмарной грацией дёрнулась вверх и вбок. Машину развернуло, и она с размаху, с визгом искорёженного металла, ударила водительской дверью в основание фонарного столба. Стекло бокового окна рассыпалось мелкой крошкой.

Время для меня остановилось. Капли дождя повисли в воздухе, превратившись в хрустальные бусины на невидимой нити. Я видела, как голова Андрея в салоне беспомощно дёрнулась и упала на руль. Подушка безопасности так и не раскрылась, предав его в самый важный миг.

Крик, дикий, животный, вырвался из меня, но он застрял где-то в пищевode, не найдя выхода. Он превратился в болезненный спазм, который вывернул всё нутро наизнанку. Я стояла, парализованная, с широко открытыми глазами, в которые заливался ледяной дождь, смешиваясь с внезапно хлынувшими горячими слезами.

«Нет. Нет, нет, нет, нет... Это не может быть правдой. Это кино. Это спецэффекты. Сейчас всё встанет на место».

Я была слишком прикована к этой сцене, не увидела, не услышала вторую машину — чей водитель, ослеплённый фарами внедорожника и этой внезапной вспышкой насилия на дороге, в панике вывернул руль. Наверняка, в тот момент его мозг, перегруженный адреналином, выдал единственную команду: «Увернуться!»

Не было времени на осознание. Чудовищная сила, тупая и безличная ударила меня сзади, точно между лопаток. Воздух с хрипом вырвался из лёгких. Меня подхватило, оторвало от земли — я на миг увидела под собой мокрый тротуар, свои туфли, одну из которых слетела, — и швырнуло вперёд, как тряпичную куклу, у которой внезапно перерезали все ниточки.

Мой мир перевернулся, закрутился в безумной карусели. Мелькали смазанные огни фонарей, клочья тёмного неба, осколки стекла, сверкающие, как конфетти. Звуки слились в какофонию: рвущийся металл, звонкое, хрупкое биение стекла, похожее на колокольчик смерти, и нарастающий, всепоглощающий гул в ушах — звук самой пустоты.

Не было страха. В тот миг страх был слишком сложной эмоцией. Не было мыслей об Андрее, о завтрашнем кофе, о недоделанном отчёте. Даже боли пока не было. Только вселенская, белая, режущая пустота в голове. А потом — ощущение стремительного, неудержимого падения. Я летела в тёмный, бездонный колодец, стенки которого были выложены ледяным огнём.

— Леди Вандербильт! Боже мой, вы целы?!

Крик. Мужской, молодой, полный неподдельного ужаса. Но он звучал... странно. Чисто, без гула в ушах. И его перекрывал гул других голосов — взволнованных, светских, и музыка. Нежная, плавная мелодия струнных, которая стихла через секунду, оборвавшись на высокой ноте.

Я медленно открыла глаза. Ресницы слиплись, и я ожидала увидеть размытые огни фонарей сквозь пелену дождя, чьи-то ноги вокруг, асфальт под щекой.

Но вместо этого я увидела... паркет. Тёмный, отполированный до зеркального блеска паркет, на котором лежала я. На боку, моё лицо уткнулось в пышные складки нежно-голубого атласа, расшитого серебряными нитями. Его хозяйка, судорожно подгребая под себя тонны юбок, пыталась подняться с пола.

Золотисто-рыжие локоны были уложены в сложную причёску с мелкими завитками, несколько из которых выбились и падали на разгневанное, покрасневшее лицо... И её взгляд... Это был не взгляд испуганного человека после аварии. Это был взгляд чистейшей, кипящей ярости и высокомерия, устремлённый прямо на меня.

Она откашлялась, её грудь под кружевным лифом высоко вздымалась от негодования.

— Что тут, позвольте спросить, происходит? — её голос, звонкий и резкий, прорезал наступившую тишину. — Вы что, с ума сошли? Или вас нарочно подослали, чтобы опозорить меня перед всем светом?

Я не могла вымолвить ни слова. Я просто смотрела на неё, на этот бальный зал, на толпу в роскошных одеждах, смотрящую на нас с смесью шока и любопытства. Лёгкие работали, сердце билось. Но в голове был только один вопрос: «Какого хрена тут происходит?»

Глава 3

Это не похоже на сон. Слишком... тактильно. Я чувствовала холодный, гладкий паркет под ладонью, в которую впивались затянутые в перчатку пальцы. Чувствовала невероятную тяжесть платья, сковывающего ноги, и тугое удушье корсета под лифом. Чувствовала, как по спине, под тонкой тканью, стекает пот — холодный, липкий, адреналиновый. Не дождь. Пот.

— Леди Фэрфакс, вы в порядке? — тот же мужской голос, теперь ближе. Из-за чьего-то фрака в поле зрения возникло лицо — молодое, гладко выбритое, с тщательно уложенными тёмными волосами и глазами, полными искренней тревоги. Он протянул руку, чтобы помочь мне подняться. Его пальцы были в белых лайковых перчатках.

Я инстинктивно отдернулась. Прикосновение было реальным. Слишком реальным.

— Не трогайте её, лорд Девоншир! — прошипела девушка, что я, по всей видимости, снесла с места, наконец вставая на ноги с помощью какой-то служанки, суетливо поправлявшей её юбки. Её голос дрожал от ярости. — Она явно не в себе. Или же это самый дешёвый трюк, на который только способна ваша семья, чтобы отвлечь внимание от своего плачевного финансового положения!

В голове что-то щёлкнуло. «Леди Вандербильт... Лорд Девоншир». Эти имена... они висели где-то на задворках памяти, покрытые пылью. Не из реальной жизни. Из книги. Из той самой дурацкой, пухлой исторической эпопеи «Империя и Шёлк», которую я глотала томами в институте, чтобы отвлечься от скуки. Роман о высшем свете вымышленной империи Виктании, полный интриг, скандалов и...

Мой взгляд скользнул с разгневанной фурии на своё собственное платье. Розовый атлас. Серебряная вышивка в виде извилистых виноградных лоз. Я медленно, с трудом подняла голову, оглядывая зал. Высокие потолки с фресками, огромные хрустальные люстры, мерцающие сотнями свечей, гирлянды из живых цветов. И люди. Дамы в кринолинах, кавалеры во фраках и мундирах с орденами. Их лица были обращены ко мне, и в их глазах читалось не сочувствие к жертве аварии, а жадное, сдержанное любопытство к светскому скандалу.

— Беатрис, успокойся, — сказал лорд Девоншир, всё ещё смотря на меня с беспокойством. — Леди Фэрфакс, кажется, упала в обморок. Это несчастный случай.

— Несчастный случай? — фыркнула Беатрис — потому что это могла быть только она, Беатрис Вандербильт, главная интриганка и соперница героини в первых томах. — Она шла прямо на меня! С таким видом, будто хотела столкнуть меня с лестницы! А потом вдруг закатила глаза и падает, как подкошенная. Очень удобно!

Внутри всё похолодело. Отрывки текста всплывали в памяти обрывками. «Леди Анабель Фэрфакс, старшая дочь разорившегося герцога... вынуждена выходить в свет, чтобы найти выгодную партию и спасти семью от полного краха... её главная соперница — блистательная и ядовитая Беатрис Вандербильт, дочь могущественного маркиза, мечтающая выйти замуж за правителя этих земель...»

Нет. Нет-нет-нет. Это бред. Сотрясение мозга. Галлюцинация перед смертью. Я умираю на асфальте, и мой мозг, спасаясь от ужаса, генерирует этот дурацкий, зачитанный до дыр сюжет.

Я сжала перчатку в кулак, и острые ногти впились в ладонь сквозь тонкую кожу. Боль была острой, живой. Слишком живой для галлюцинации.

— Воды! Принесите даме воды и нашатырь! — распорядился лорд Девоншир, и какая-то служанка бросилась исполнять приказ.

Я воспользовалась суетой. Оттолкнув его руку, я с невероятным усилием, цепляясь за скользкий паркет юбками, поднялась на ноги. Мир на мгновение поплыл, но я устояла. Платье было по-прежнему невероятно тяжелым, а корсет не давал дышать полной грудью.

Все смотрели на меня. Я встретила взглядом с Беатрис. В её глазах, помимо ярости, промелькнуло что-то вроде недоумения и... страха? Страх перед тем, что я могу сказать или сделать дальше.

Я знала этот сценарий. Я читала его. После падения Анабель Фэрфакс должна была рыдаться, извиниться перед Беатрис и в унижении ретироваться с бала, где должна была дебютировать, закрепив за собой репутацию неуравновешенной неудачницы. Это был переломный момент, после которого её шансы на удачный брак таяли, как весенний снег, а потом она должна была случайно столкнуться с главным героем, переодевшись простолюдинкой, где-то на ярмарке.

Но я не была Анабель Фэрфакс. Верно?

Я выпрямила спину. Движение далось с трудом — корсет напоминал панцирь. Я не опустила взгляд. Вместо этого я медленно, с достоинством, которого в этой ситуации быть не могло, провела ладонью по виску, будто отгоняя последние остатки головокружения.

— Мои глубочайшие извинения, леди Вандербильт, — мой голос прозвучал хрипло, но чётко. Я не узнавала его. Он был выше, тоньше моего. — Виновата внезапная мигрень. Эти люстры... — Я жестом, полным усталой грации, указала на сверкающие хрусталём громадины над головой. — Слишком ярко. Я, кажется, ослепла на мгновение и не увидела вас на пути.

В зале пронёсся сдержанный шёпот. Это была не истерика. Это было холодное, почти королевское объяснение. Беатрис замерла. Её гнев столкнулся с неожиданной преградой — спокойствием, которое она приняла за высокомерие.

Лорд Девоншир, чьё имя, как всплыло в памяти, было Джулиан, смотрел на меня с ещё большим интересом.

— Вам следует присесть, леди Фэрфакс, — сказал он, — Позвольте мне проводить вас в зимний сад. Там тише.

Я кивнула, но не для того, чтобы согласиться на его помощь. Кивок был автоматическим. Внутри всё кричало о необходимости бежать, спрятаться, перевести дух и понять, что, чёрт возьми, происходит. Тело, однако, двигалось с удивительным самообладанием. Ноги в узких туфельках сами сделали маленький, скользящий шаг назад, создавая вежливую дистанцию. Правая рука поднялась и легла на воображаемую юбку в реверансе — лёгком, но почти безупречном.

— Благодарю вас, лорд Девоншир, — произнесла эта чужая мелодичная гортань. — Вы чрезвычайно любезны. Но я не смею больше отвлекать общество от удовольствий бала. Мне требуется лишь минута покоя.

Мой мозг, застрявший где-то между асфальтом и паркетом, буйствовал: «Ты что, совсем охренела? Он предлагает помощь! Он симпатичный! И, кажется, один из немногих положительных персонажей в этой мыльной опере!» Но инстинкты Анны Калининой, загнанной в угол и ненавидящей быть центром внимания, были сильнее. Мне нужно было прочь. Сейчас.

Я увидела, как в глазах Джулиана мелькнуло лёгкое разочарование, но он лишь склонил голову.

— Как пожелаете, леди Фэрфакс. Но позвольте хотя бы позвать вашу горничную.

— Она уже ждёт меня в гардеробной, — солгала я с лёгкостью, которая испугала меня саму. Откуда эти слова? Откуда эта уверенность? Это было похоже на то, как будто кто-то другой нажимал клавиши, а я лишь наблюдала за текстом на экране.

Не дожидаясь дальнейших возражений, я развернулась. И вот тут началось самое сложное. Поворот в кринолине — это не просто шаг в сторону. Это управление парусным судном. Мой разум отчаянно пытался рассчитать траекторию, чтобы не задеть никого из зевак, но тело уже двигалось. Лёгкий наклон корпуса, едва заметное движение бёдер, и юбки, послушные не мне, а годам муштры настоящей Анабель, плавно качнулись, описав изящную дугу. Я пошла.

Не побежала, как хотелось, а пошла — мелкими, шуршащими шажками, с прямой спиной и высоко поднятой головой, хотя внутри всё дрожало.

Каждый шаг отдавался в висках. Я чувствовала, как десятки глаз провожают меня. Слышала сдержанный шепоток: «Как она держится...», «Мигрень, говорите...», «Беатрис выглядит просто дурочкой...». Я не смотрела по сторонам. Мой взгляд был прикован к огромной резной двери в дальнем конце зала, которая вела, если память не изменяла, в анфиладу гостиных и дальше — к лестнице.

Пространство между мной и дверью казалось бесконечным. Я шла через море лиц, улыбок, оценивающих взглядов. Моё тело выполняло свою работу безупречно: кивок знакомой пожилой даме, мимолётная, ничего не значащая улыбка в сторону какого-то офицера, лёгкое движение веером (когда я успела его схватить?), чтобы отгородиться от слишком пристального внимания. Это был автопилот, вшитый в мышцы и рефлексy этой дворянской барышни. А я, Анна, сидела внутри, как паникующий пассажир, запертый в кабине пилота, который ведёт самолёт куда-то не туда.

Наконец, я миновала дверной проём. Звуки музыки и голосов стали тише. Здесь было прохладнее и темнее. Я почти побежала по длинному коридору, освещённому лишь настенными бра, но кринолин яростно шуршал и цеплялся за дверные косяки, замедляя меня. Дыхание сбилось, но не от бега — от паники. Корсет давил на рёбра, каждое вдыхание было коротким и поверхностным.

«Гардеробная. Нужно найти гардеробную. Или просто любое пустое помещение».

Я толкнула первую попавшуюся дверь. Небольшая комната для карточных игр, сейчас пустая. Запах табака до тошноты неприятный, но выбирать не приходится. Я захлопнула дверь за собой, прислонилась к ней спиной и, наконец, позволила себе паниковать.

Руки тряслись. Я сняла перчатку — движения были неуклюжими, пальцы плохо слушались. Кожа ладони была влажной. Я уставилась на неё. Это была не моя рука. Ладонь была уже, пальцы — длиннее и изящнее, с аккуратными ногтями овальной формы. Никакой стёртой мозоли от ручки, никакого маленького шрама от пореза бумагой, который был у меня на указательном пальце левой руки.

Тихий, сдавленный звук вырвался из моей груди. Не плач. Смех. Истерический, безумный смешок. Я зажала ладонью рот, чтобы не закричать.

Так оно и есть. Я в книге. Я — леди Анабель Фэрфакс. Девушка с красивым лицом, пустой головой и печальной судьбой на трёхстах страницах.

Но... я же помню. Я помню почти всё. Капризы Беатрис Вандербильт. Интриги её матери. Расписание балов и приёмов. И главное — я помню «его». Правителя этих земель. Герцога Калеба Рэйвенхерста. Холодного, циничного, невероятно богатого и самого завидного жениха империи, и по совместительству вампира и темного мага. Того, за кого должна была выйти Беатрис по плану своего отца. Того, к кому в итоге, преодолев все препятствия, должна была прийти настоящая героиня — Луиза, гувернантка с тайным прошлым.

А Анабель... Анабель была лишь фоном. Статистом. Жертвой обстоятельств.

Я медленно выпрямилась, всё ещё опираясь о дверь. Дрожь понемногу утихала, сменяясь леденящим, ясным холодом.

Нет. Так не пойдёт. Я не позволю этому телу умереть от чахотки в забвении. Я не позволю этой жизни пройти мимо меня, как скучный, предсказуемый роман.

Если уж я застряла в этой истории, то буду не читателем, а соавтором. И первым делом нужно переписать сценарий для леди Анабель Фэрфакс.

Я надела перчатку. Поправила сбившиеся волосы, собранные в сложную причёску, до которой мне, Анне, никогда не было дела. Выдохнула и посмотрела в сторону. В зеркале над камином на меня смотрело незнакомое лицо — бледное, с большими карими глазами, прямым носом и упрямо сжатыми губами.

«Соберись, — приказала я себе, глядя в отражение. — Ты не на работе. Ты не в больнице с кучей переломов и отказанными ногами. Ты здесь. И раз уж здесь, то напиши свою историю сама. Сначала — выжить. Потом — победить».

Твёрдый кивок головы, и я двинула к выходу, отворив тяжёлую дубовую дверь.

Арт. Глава 3

Глава 4

— Твою мать... — выругалась я шёпотом, едва переступив порог, потому что тут же чуть не снесла с ног кого-то ещё. Или он меня. Сложно понять, потому что я выходила, а этот кто-то определённо спешил, двигаясь с размашистой, небрежной скоростью человека, привыкшего, что перед ним расступаются.

Я отшатнулась, потеряв равновесие, и инстинктивно схватилась за резной дубовый косяк, чтобы не упасть. Удар, конечно, все же пришёлся в лоб — несильный, но достаточно ощутимый, чтобы в глазах на мгновение помутнело и поплыли тёмные пятна. Потирая ушибленное место через тонкую ткань перчатки, я подняла голову, готовясь извиниться автоматической, светской фразой вроде «Прошу прощения, я не заметила».

И застыла. Воздух будто вытянули из лёгких через трубочку.

Передо мной, собственной персоной, стоял Герцог Калёб Рэйвенхерст. Как я поняла, что это он? Без понятия. Просто вот нутро подсказало и все.

А он даже выше, чем я представляла, читая книгу. Почти на голову выше меня. Широкие плечи под идеально сидящим тёмно-синим фраком, который, казалось, был выкован из ночного неба, а не сшит. Чёрные, чуть выющиеся волосы, собранные у затылка в короткий хвост, заостренные на кончиках уши, бледная кожа и лицо... Высокие скулы, прямой нос, жёсткая линия подбородка с едва заметной ямочкой — единственный намёк на что-то человеческое в этой мраморной маске. Глаза. Янтарные. Не тёплые, как мёд, а холодные, как застывший коньяк, с золотистыми искорками, в которых не читалось ни капли тепла или интереса к моей скромной персоне. Они оценили меня за долю секунды — платье, позу, выражение лица — и сразу же утратили всякий интерес, переведя взгляд куда-то за мою спину, как будто я была неодушевлённым предметом, внезапно возникшим на пути.

А потом «вежливо так» спросил:

— В порядке?

Голос был низким, бархатистым и абсолютно безжизненным. Ни тени участия, ни искры любопытства. Протокольная вежливость, лишённая всякого смысла, как инструкция по эксплуатации.

«М-м-м, да вы романтик, ваша светлость», — ядовито подумала я, всё ещё чувствуя, как стучит сердце где-то в горле, пытаясь вырваться наружу.

В книге он появлялся гораздо позже, ближе к середине первого тома, когда героиня, избегая шумного светского двора после тяжелой рабочей недели, случайно сталкивалась с ним на конюшне. Но... Что он забыл здесь, в этой боковой галерее, в самом начале бала? Сюжет уже поехал по швам? Или это скрытая линия?

— Калёб, мы не договорили! — за его спиной, из полумрака коридора, возник ещё один участник сцены.

Мужчина высокого роста, почти такой же высокий, как герцог, но более лёгкого, атлетического сложения. Белокурые волосы, зачёсанные назад, и безупречный белый мундир с золотым шитьём — форма офицера королевской гвардии. Конечно это был Лорд Себастьян Хоу, лучший друг герцога и, как позже выяснялось, его главный соперник в чувствах к героине. Его лицо, обычно оживлённое и насмешливое, как писал автор, сейчас было напряжённым, губы сжаты в тонкую линию, а между бровей залегла резкая складка.

Рэйвенхерст почти тут же переключился с меня на подошедшего. Его взгляд стал острее и тяжелее. В янтарных глубинах вспыхнуло что-то тёмное и нетерпеливое. «М-да, вам, лорд, похоже, не повезло, этот «добряк» сейчас не в духе, — мелькнуло у меня в голове. — А не ваших ли это рук дело?»

— А мне казалось, что наш разговор окончен, — произнёс он тем же ровным голосом. Даже не повысил тон! Вот так сдержанность достойная королей!

Я замерла, зажатая между холодным дубовым косяком и этими двумя мужчинами. От них исходила волна такого холода, что мне стало физически зябко, несмотря на тёплое платье.

Мне следовало уйти? Определенно. Быстро и незаметно, прошептать извинения и раствориться в тени. Но ноги будто вросли в полированный паркет. Это была сцена, которой не было в книге. Интрига, о которой я не знала. Тайный разговор, сорвавшийся с самого начала бала. И это было чертовски опасно... И безумно интересно.

«Если останусь тут... буду стоять тише мыши... заметят?»

Себастьян нахмурился, его взгляд скользнул по мне, задержавшись на лице на секунду дольше, чем у герцога, с мимолётным, но живым любопытством, прежде чем вернуться к собеседнику. В его синих глазах я прочитала не только досаду, но и долю смущения — из-за того, что частную ссору прервал посторонний свидетель.

«Заметил?»

Да, заметил. И, кажется, даже оценил.

— Окончен? Ты даже не дал мне договорить, — парировал он, сдерживая раздражение. — Речь идёт не просто о деньгах, Калёб. Речь идёт о...

— Речь идёт о том, что ты перешёл черту, — холодно, безжалостно оборвал его Рэйвенхерст. Он сделал едва заметный, но угрожающий шаг вперёд, сократив дистанцию, и Себастьян инстинктивно отступил на полшага, когда его спина на мгновение коснулась стены. — Мы обсудим это позже. В более подходящем месте. А сейчас ты мешаешь леди... — его янтарный взгляд снова упал на меня. Он не знал, кто я? Ну конечно нет, леди Анабель почти не выходила в свет после той самой неудачной стычки с дамами светского круга! Для него я была никем. Пустым местом в юбчатом платье. А как его еще назвать? Тортиковый? Юбок тут точно многовато на одну пару ног.

— Леди? — Хоу подал голос, и в его интонации прозвучала попытка вернуть разговору хоть какую-то светскую окраску, перевести его в безопасное русло. О да, он всегда был осторожен.

Это был мой шанс. Мой крошечный, зыбкий шанс вписаться в историю не как статист, а как персонаж. Не как Анабель Фэрфакс, которую все забыли, а как кто-то, кого запомнят.

Я выпрямилась, насколько позволял душащий корсет, оторвав ладонь от косяка, и сделала тот самый лёгкий, безупречный реверанс, который тело знало лучше моего сознания. Колени согнулись в нужном градусе, спина осталась прямой, подбородок — чуть приподнятым.

— Фэрфакс, — произнесла я чётко, поднимая на него глаза. Голос не дрогнул, к моему собственному удивлению.

«Отлично!»

— Анабель Фэрфакс, — представилась я, — И прошу прощения за помеху, лорд Хоу, ваша светлость. Я... искала гардеробную. Кажется, ошиблась дверью.

Я солгала. Но солгала так легко, с лёгким, естественным оттенком смущения в голосе, который, казалось, идеально подходил к образу растерянной, неопытной дебютантки, что сама диву давалась. Внутри же всё кричало и ликовало: «Он смотрит? Он действительно смотрит. Не сквозь меня, а на меня. Нет, вы гляньте, какой взгляд! И что только героиня нашла в Калёбе, когда рядом такой мужчина?»

Себастьян смотрел с тем самым мимолётным любопытством, в котором уже не было раздражения, а было что-то вроде... интереса.

Герцог же с непроницаемой маской. Ни один мускул не дрогнул. Потом он слегка, почти невежливо кивнул, едва заметное движение подбородка.

— Вторая дверь слева, — коротко, обрывисто бросил он, как отдавая приказ солдату, и тут же, всем видом показывая, что аудиенция окончена, повернулся к Себастьяну. — Идём. Туда, где нет любопытных ушей.

Он взял лорда Хоу под локоть и повёл его прочь по коридору, даже не оглянувшись.

Вскоре я осталась стоять одна, прислонившись к косяку, слушая, как в ушах стучит собственная кровь. Лоб под перчаткой всё ещё ныл тупой болью. Но в груди бушевало что-то новое, чужое и пьянящее. Не паника. Не страх. А азарт. Азарт охотника, только что увидевшего свою дичь и осознавшего, что охота уже началась.

Он появился раньше времени. И он не знал моего имени. Но теперь — знал. Я вклинилась в его историю, в его приватную ссору, на целых пять минут раньше графика. Я была первым неожиданным событием его вечера. Мелочь. Ничто. Но из таких мелочей обычно и складывается что-то целое, верно?

В углах губ дрогнуло что-то, похожее на улыбку.

— Теперь главное — не помереть.

Калеб Рэйвенхерст. Визуал.

Знакомьтесь, а вот и наш загадочный герой.
Ну как вам? Уже покори́л ваше сердечко?

Себастьян Хоу. Визуал.

И не менее загадочный друг нашего героя.

Глава 5

Утром следующего дня голова раскалывалась на части.

Нет. Даже не так. Это была не просто головная боль. Это был ужас тихого океана. Няни тройняшек. И такое ощущение, будто кузнец с наковальней устроился прямо у меня в черепае и методично, с жестоким удовольствием истинного маньяка, колотил по вискам раскалённым молотом. При этом каждый такой удар отдавался тошнотворной волной в желудке.

Я застонала, даже не открывая глаз, и попыталась повернуться на бок, но тело оказалось зажато в тисках какого-то невероятно тугого и неудобного белья.

«С выпивкой точно был перебор», — пронеслась первая, смутная мысль. Память услужливо подкинула обрывки воспоминаний, мол, на, подавись: яркий свет люстр, звон бокалов, смех... и потом — тёмный коридор, холодные янтарные глаза, стальная хватка на локте... ладно, последнее уже было, кажется, моей фантазией.

Я резко открыла глаза, надеясь увидеть знакомый потолок своей квартиры с трещинкой у карниза. Увидеть потрепанный временем будильник и пыльный ковер, нуждающийся в выхлывании, но получавший только крупницы заботы от бедолаги робота-пылесоса.

Но... перед глазами только бархатный, тёмно-бордовый балдахин, ниспадающий тяжёлыми складками с резного деревянного каркаса кровати. Свет едва ли проникал сквозь плотные занавески, отбрасывая на стены причудливые узоры.

«Не сон, — прошептало что-то внутри, отдаленно напоминавшее мне мой голос, — Это не сон».

Я медленно, с трудом приподнялась на локтях. Простыни были из грубоватого, но качественного льна. На мне была длинная ночная рубашка из тонкой белой ткани.

Осмотрелась. Огромная кровать в центре просторной, но явно обветшалой комнаты. Обшарпанные позолоченные панели на стенах, потертый ковёр на полу, мраморный камин с пустой, холодной топкой. На туалетном столике из тёмного дерева стояло одно-единственное зеркало в потускневшей серебряной оправе и несколько флакончиков. Покои леди Анабель Фэрфакс в доме её разорившегося отца. Я читала описание. Оно совпадало до жутких мелочей.

Значит, всё это — правда. Ливень. Удар. Тёмный колодец. И... этот бал.

Я закрыла глаза, пытаюсь унять панику, которая подкатывала к горлу кислым комом.

«Дыши, Ань... Просто дыши».

Попытки себя успокоить приводили только к большей панике.

В этот момент дверь с лёгким скрипом приоткрылась, и в комнату бесшумно вошла девушка лет шестнадцати в простом сером платье и белом чепце. Увидев, что я не сплю, она замерла, а её круглые глаза расширились.

— Госпожа! Вы проснулись! — прошептала она.

А что? Не должна была? Так и норовит спросить, но надо удержаться. Коротко кивнула.

— Мы так волновались... Вы вчера вернулись такая бледная и сразу удалились, ни с кем не говоря. Леди Маргарет приказала не беспокоить вас. Но я...

Леди Маргарет. Мать Анабель. В книге — жертва обстоятельств, вечно ноющая о деньгах и пытающаяся выдать дочь замуж хоть за кого, кто посмотрит. Будь то старик или калека. Вообще не имело значения.

— Воды, — хрипло выдавила я. Горло было сухим, как пустыня. — Пожалуйста, воды.

Девушка — горничная, Элси, как подсказала память, — кивнула и выскользнула за дверь, чтобы через мгновение вернуться с глиняным кувшином и простой чашкой. Она налила воды и робко протянула мне.

Я выпила жадно, большими глотками, чувствуя, как прохладная жидкость немного проясняет сознание. Жаль, конечно, что головная боль никуда не делась, но теперь я могла думать хоть немного.

— Что... что сегодня? — спросила я, возвращая чашку.

— Четверг, мисс, — ответила Эlsi, смотря на меня с нескрываемым беспокойством. — Утро. Леди Маргарет уже внизу, она велела передать, что после завтрака с вами нужно поговорить. Насчёт... насчёт вчерашнего происшествия.

Происшествия. Значит, слухи уже поползли. Моя «мигрень» и столкновение с Беатрис Вандербильт не остались незамеченными. А ещё была встреча в коридоре... О ней, скорее всего, не знал никто, кроме троих участников. Это хорошо. Сейчас мне это будет не на руку от слова совсем.

— Хорошо, — сказала я, пытаюсь звучать как можно более естественно. — Помоги мне одеться.

Процесс одевания оказался пыткой. Лучше бы пошла в чем была... Сначала корсет, который Эlsi затягивала с такой силой, что у меня перехватывало дыхание и темнело в глазах. Потом нижние юбки, криолин, и наконец — простое дневное платье из недорогой шерсти цвета блеклой сирени. Волосы убрали в тугую, неброский узел. Глядя в потускневшее зеркало, я видела не Анну, и даже не вчерашнюю незнакомку в бальном платье, а бледную, осунувшуюся девушку с тёмными кругами под глазами и выражением глубокой усталости на лице. Лицо Анабель. Только теперь еще и с похмелья. Спасибо мне!

— М-да... видок так себе, — подытожила я и двинула на выход.

Спускаясь по широкой, но скрипящей лестнице в небольшую столовую, я чувствовала, как с каждым шагом реальность этого мира становится всё неотвратимее. Запах жареного бекона и старого дерева, скрип половиц, доносящиеся из-за двери приглушённые голоса — всё это было слишком детализированным для галлюцинации. И все более паничным.

За столом в комнате, освещённой скудным утренним светом из высокого окна, сидела леди Маргарет Фэрфакс. Она была когда-то красива (как писал автор), но теперь её лицо избороздили морщины забот, а в глазах стояла привычная смесь тревоги и разочарования. Рядом с ней, углубившись в газету, сидел тщедушный, седеющий мужчина — сэр Эдгар, отец Анабель. Он почти не участвовал в жизни семьи, погружённый в свои убыточные дела и коллекцию редких бабочек.

— А, Анабель, — сказала леди Маргарет без всяких приветствий, отложив свою тарелку. — Наконец-то. Мы должны обсудить вчерашний... эпизод. Садись.

Я молча села на свой стул, чувствуя, как под столом дрожат колени. Эlsi поставила передо мной тарелку с яичницей и тостом, которые выглядели совершенно неаппетитно. Даже представлять не хочу условия, в которых это готовили... вот бы сюда мою чудо-сковородочку, тостер и кофейник. Эх! Мечта!

— Какие слухи? — спросила я прямо, без предисловий, отвлекаясь от грез.

Женщина вздрогнула, явно не ожидая такой прямоты.

Извините маман, если напугала, но у вашей дочери похмелье и ей не до светских любезностей.

— Слухи... — она заломила руки. — Говорят, что ты публично оскорбила леди Вандербильт, а потом симулировала обморок, чтобы избежать последствий! Говорят, лорд Девоншир был вынужден тебя выводить! О, это катастрофа! После всего, что мы сделали, чтобы получить те приглашения... Теперь тебя никуда не позовут!

Её голос перешёл в визгливую нотку отчаяния. Сэр Эдгар зашуршал газетой, но не вмешался. Такие правила. Мужчина зарабатывает, женщина воспитывает. Хреново, но воспитывает. Как может, в общем-то.

Я отпила глоток холодного чая, давая себе секунду на раздумье.

— Матушка, — сказала я тихо, но так, чтобы каждое слово было чётко слышно. — Я не оскорбляла леди Вандербилт. У меня была мигрень от света люстр. Я объяснила это ей при всех. Если она интерпретировала мои извинения как оскорбление — это говорит лишь о её собственной нервозности. А лорд Девоншир просто проявил галантность, как и подобает джентльмену и предложил мне покинуть вечер (после чего я и встретила герцога и напилась так, что не помню даже как добралась домой). Ничего компрометирующего не произошло (наверное... но могло).

Леди Маргарет уставилась на меня, будто впервые видела. В её глазах мелькнуло непонимание. Её Анабель обычно рыдала и извинялась в таких ситуациях, тряслась как осиновый листик, боясь разгневать родителей. Но я же не она, верно? Мне простиительно.

— Но... но все говорят...

— Пусть говорят, — перебила я, пальцы сжали салфетку. — Нам важнее не сплетни, а факты. Верно? Факт в том, что я была представлена его светлости герцогу Рэйвенхерсту и лорду Хоу. Лично. После того инцидента.

Ну или почти так и было...

В комнате повисла гробовая тишина. Даже сэр Эдгар медленно опустил газету и уставился на меня поверх стёкол пенсне.

— Ты... ты что? — прошептала леди Маргарет, побледнев. — Представлена? Герцогу? Но... как? Когда?

— В коридоре, — солгала я уверенно, делая вид, что ковыряю вилкой яичницу. — Они были неподалёку, услышали шум и поинтересовались, не нужна ли помощь. Я представилась. Герцог был... вежлив.

Я не стала упоминать о ссоре между ними и том, как именно я была представлена. Это была моя тайна. И делиться ей я не обязана.

Леди Маргарет замерла, её мозг явно пытался переварить эту информацию. Позорная сцена с Беатрис меркла перед сияющим фактом: её дочь обратила на себя внимание самого Калеба Рэйвенхерста. Даже если это было мимолётно.

— Вежлив... — повторила она, и в её глазах зажглась новая, жадная искорка надежды. — О, Анабель... может, ещё не всё потеряно? Если он заметил тебя... Может, стоит написать леди Вандербилт извинительное письмо, чтобы замять историю, и...

— Нет уж, — отрезала я, отодвигая тарелку. Ещё чего? Аппетит полностью пропал. — Никаких писем. Никаких извинений. Мы будем вести себя так, как будто ничего не произошло. А в отношении герцога... будем ждать. Если он действительно проявил интерес, он даст знать.

Я говорила с уверенностью, которой не чувствовала. Но играть роль было необходимо. В этом мире слабость съедали заживо. А мне вынь и положи как надо выжить.

Поднявшись из-за стола, я почувствовала, как голова снова закружилась.

— Наелась... пойду к себе!

«Чертово похмелье... интересно, в этом доме есть аспирин? Или мне предложат опиум?»

Глава 6

Остаток дня я провела «у себя» в комнате. Первую половину пыталась отоспаться, зарывшись лицом в подушку, которая пахла какой-то затхлой травой. Но после того, как похмельная дурнота немного отступила, спать уже не хотелось. Вместо сна пришла ясность: я здесь. Надолго. Возможно, навсегда.

Нужно было что-то делать. Но сначала — разведать территорию.

И я начала, в попытках себя развлечь. Как оказалось очевидным, развлечения тут были как для старух, шитье, вышивка, пряжа, да и те вряд ли бы обрадовались такому скудному выбору.

Комната же была больше похожа на склеп былого величия. Высокие потолки, некогда расписанные фресками, теперь покрытые паутиной и потёками сырости. Похоже, что денег на ремонт и правда было не густо, как и на достойную уборку. Вряд ли Элси прибирала весь дом одна. А за утро я видела только двух горничных и кухарку.

Книжный шкаф у стены содержал несколько потрёпанных томов в кожаных переплётах: сборник сентиментальных стихов, трактат о садоводстве и два романа, от которых, судя по заглавиям, могло стошнить даже без похмелья. Ни намёка на Шекспира или хотя бы на какую-нибудь пикантную французскую поэзию.

Я порылась в комод. Бельё, аккуратно сложенное, но не первой свежести. Несколько пар перчаток, одна с дыркой на указательном пальце, хоть и бережно зашитая. Шкатулка для украшений, в которой лежали жемчужная нитка (явно поддельная), потускневшая серебряная брошь в виде цветка и пара серёг из какого-то жёлтого металла. Без слёз не взглянешь. Никаких дневников, тайных писем, намёков на скрытую жизнь. Анабель, судя по всему, была девушкой на редкость... пустой. Как чистый лист. Или как могила. Хех.

Самой интересной находкой оказался туалетный столик. Помимо зеркала и щёткой для волос с выпадающей щетиной, там лежала небольшая записная книжка в сафьяновом переплёте. Я открыла её с замиранием сердца, надеясь на интригу. Но...

Надежды и тут не оправдались. Это был список. Список гостей с прошлогоднего бала с пометками на полях: «Леди С. — зелёное платье, не идёт», «Капитан Ф. — танцевал дважды, но говорил только о лошадях», «Видела, как маркиза К. разговаривала с садовником. Интересно?». Последняя запись была сделана явно дрожащей рукой: «Б.В. сказала при всех, что моё платье выглядит как обивка старого кресла. Все смеялись. Больше не пойду».

Бедная, наивная Анабель. Её мир был так мал, что трагедией в нём становилось неудачное платье. Мой мир вчера рухнул в буквальном смысле, раздавив машину и, возможно, жизнь человека. Перспектива немного отличалась.

Я швырнула книжку обратно на столик и подошла к окну. Вид открывался не на розовый сад, а на заросший, запущенный парк с покосившейся беседкой и мутным прудом. Вдалеке виднелись крыши других домов — ухоженных, с дымком из труб. Мир за пределами этой комнаты жил своей жизнью. Мир, полный правил, которые я знала лишь в теории, и опасностей, о которых могла только догадываться. Но разве я могу ныть? Нет.

В дверь постучали. Вошла Элси с подносом, на котором стояла чашка какого-то мутного бульона и кусок хлеба.

— Леди Маргарет велела передать, что вы должны подкрепиться, госпожа, — робко сказала она. — И... для вас пришло письмо.

Письмо?

Сердце ёкнуло.

Я взяла аккуратно сложенный листок с гербовой печатью. Не от герцога, конечно. От леди Агаты Пембертон, судя по подписи, дальней родственницы и одной из немногих, кто

ещё поддерживал связь с семьёй Фэрфакс. Суть письма сводилась к следующему: «Дорогая Анабель, слышала о вчерашнем недоразумении. Очень жаль. Приезжай завтра на чай, обсудим, как поправить положение. Твоя любящая тётушка Агата».

Поправить положение. То есть выдать за первого встречного, лишь бы сбыть с рук опозорившуюся племянницу. Стандартная процедура. Но, пожалуй, я на ваши планы подписываться не буду. Еще чего не хватало, да?

Я положила письмо рядом с тарелкой с неаппетитным бульоном.

— Элси, — сказала я, глядя в окно. — Скажи, в городе есть аптека? Или... знахарь?

Девушка широко раскрыла глаза.

— Аптека, мисс? Вам плохо? Позвать леди Маргарет?

— Нет, не позвать, — вздохнула я раздраженно, — Просто голова болит. Очень. Есть что-нибудь от головы?

Элси задумалась, потом лицо её прояснилось.

— У кухарки есть настойка из ивовой коры. Говорит, помогает. Или... — она понизила голос до шёпота, — у конюха Джона есть бутылочка с «огненной водой». От всего лечит, но леди Маргарет запретила...

Ивовая кора. Аспирин в его натуральном, сомнительном виде. Что ж, это лучше, чем опиум или загадочная бутылка с «водой».

— Принеси настойку, — попросила я. — Тихонько.

Пока Элси ходила, я снова взяла в руки письмо. Чай у тётушки Агаты. Это была ловушка. Но и возможность. Выйти из этой комнаты. Услышать свежие сплетни. Оценить обстановку. Возможно, узнать что-то новое о том самом «инциденте» в коридоре, который не давал мне покоя. Почему герцог и Себастьян ссорились? О каких деньгах шла речь? В книге этот конфликт всплывал гораздо позже и был связан с финансированием какой-то рискованной торговой экспедиции. Неужели, речь шла о ней?

Я выпила противную, горькую настойку, которую принесла горничная, морщась от вкуса. Отвратительно. Больше никогда не буду пить, но... с удивлением замечаю, что через некоторое время тупая боль в висках действительно начала отступать, сменившись лёгкой тяжестью.

«Или буду?»

Чтож... хоть мне это и не нравилось. Но сидеть в четырех стенах и ждать спасения от прекрасного принца – последнее, чего мне хотелось бы. Так что план на завтра был прост: поехать к тётушке Агате. Вести себя сдержанно, но не робко. Слушать. Запоминать. И, самое главное, никому не показывать, что я — не та Анабель, которую они знали. Я была её оболочкой, но с совершенно другой начинкой. С начинкой из человека, который знал, чем закончится эта история, если пустить её на самотёк.

И который твёрдо намеревался переписать концовку. Начиная с завтрашнего чаепития.

«Ох... нет, все потом. Надо еще полежать...»

Глава 7

Надев самое приличное своего скудного гардероба — скромное платье из тёмно-синего шерстяного репса с белым кружевным воротничком, — я ощущала себя ромашкой среди роз. Или, что было больше похоже, серой мышью в клетке с павлинами.

Тут же вспомнились первые дни работы в офисе, когда ты ещё зелёный стажёр, и все смотрят сквозь тебя, а твоё мнение ничего не стоит. Тот же холодный, оценивающий взгляд, та же атмосфера скрытой конкуренции под маской вежливости. Только здесь вместо костюмов были кринолины, а вместо кофе-машины — огромный серебряный самовар, пыхтящий в углу прихожей леди Агаты сам собой. А вот на стенах красивые бра, но ни одного провода. Ах, верно, я совсем забыла, что в этом мире магия не чужда и кругом (у тех, кто может себе позволить) имеются магические артефакты!

Да, не хватает мне тут Светланы Ивановны, которая схватила бы за ручку и пошла со всеми знакомить, представляя меня миру чуть ли не как кубок чемпионата по футболу, выигранный с такой тяжестью.

— Дорогая моя! — возглас прямо с порога. Сама тётушка Агата. Она оказалась... не такой как я себе ее представляла, дородной дамой с лицом, напоминающим добродушного бульдога, но с глазами, острыми как булавки. Не успела я и опомниться, как меня затискали слащавыми объятиями и она тут же увлекла меня в гостиную, где уже собралось с полдюжины дам. Не дала даже насладиться коридором и как следует его осмотреть. Все-таки, я такое воочию вижу впервые.

Воздух неприятный, тяжелый от смеси духов, запаха жасминового чая и этих напыщенных взглядов, ударил в нос. Мне бы такое самомнение, как у них на лицах, и я бы тут же взяла главный приз на ярмарке.

— Дорогая моя, дорогая, какая радость тебя видеть! — продолжила леди Агата, усаживая меня рядом с собой на диван. — Мы так переживали за тебя после того... э-э-э... неприятного вечера.

Ого! Вот так скорость, а ведь прошло то всего ничего! А что было бы, будь у них интернет? Я бы, наверное, попала на прямую трансляцию: бедняжка, которую надо пожалеть.

Все взгляды тут же устремились на меня. Я узнала некоторых (имена и образы сами всплыли в голове): леди Смиттон, известная сплетница, миссис Фэрроу, мать трёх незамужних дочерей, и, конечно, леди Вентворт, чей взгляд был особенно колючим. Это был её бал, вернее, бал для ее дочерей, таких же дебютанток как Анабель. Именно на «её» паркете я устроила «шоу».

— Благодарю за заботу, тётушка, — сказала я, опуская глаза в чашку с чаем, который мне налили. — Это была досадная случайность. Просто мигрень.

— Мигрень, говоришь? — тонко ввернула леди Смиттон, поправляя свои многочисленные кольца. — А мне показалось, ты была вполне здорова, когда... как это было... «поскользнулась на чьей-то репутации»?

В комнате повисла напряжённая тишина.

Я подняла глаза и встретила с её взглядом. Улыбнулась. Лёгкой, беззаботной улыбкой, которую отрепетировала утром перед зеркалом на всякий случай. И он был очень кстати.

— О, леди Смиттон, вы так внимательны к словам! — сказала я с лёгким смешком. — Я, должно быть, была совсем не в себе от боли. Говорила что попало. Надеюсь, леди Вандербильт не приняла мои бредни близко к сердцу?

Перевод стрелок. Сделать вид, что это были не слова, а симптом, напоминая о том, какая я жалкая. Леди Смиттон слегка откинулась на спинку кресла, явно не ожидая такой реакции.

Обычно Анабель начинала заливаться краской и бормотать оправдания. Да, им не повезло. Но как же я хороша!

— Ну, Беатрис, конечно, расстроилась, — вступила леди Вентворт, — Она ведь такая чувствительная. И её мать, леди Вандербильт, была вне себя. Говорят, они даже подумывают подать жалобу хозяйке бала за то, что допустили такое... поведение.

Прямая угроза. Попытка прижать к стенке. В животе всё похолодело, но лицо сохраняло спокойную полуулыбку.

— Как жаль, — вздохнула я, отхлебнув чаю, отмечая какой же он вкусный в отличие от отчего дома. — Но, уверена, леди Вентворт, ваша репутация безупречной хозяйки слишком прочна, чтобы пострадать из-за моей внезапной болезни. Все знают, как вы строго следите за порядком. — Я сделала паузу, давая комплименту просочиться. — Кстати, вы были просто ослепительны в том платье. Весь вечер только и слышала, как его обсуждают.

Леди Вентворт слегка растерялась. Лесть была неожиданной, но, судя по смягчившемуся выражению лица, приятной. Она кивнула, отводя взгляд.

— Ну, что поделаешь, молодость... нервы... — пробормотала леди Агата, пытаясь разрядить обстановку. — Главное, что всё обошлось. И, как я слышала, — она понизила голос, и все дамы инстинктивно наклонились вперед, — наша Анабель даже удостоилась внимания самого герцога Рэйвенхерста! Правда, дорогая?

И вот он — главный козырь, выложенный на стол. Все взгляды снова впились в меня, но теперь в них читался не осуждение, а жадное любопытство. Их хлебом не корми, дай сплетен. Но только открою рот — тут же окажусь на главных страницах местной желтой газетенки, и герцог сам явится за мной, пригласить на эшафот.

Я сделала вид, что смущаюсь, опустив ресницы. Внутри же всё напряглось до предела. Нужно было сыграть это идеально.

— О, тётушка, не преувеличивайте, — сказала я тихо. — Его светлость и лорд Хоу просто проявили галантность, увидев, что мне нездоровится. Он лишь поинтересовался, не нужна ли помощь, и указал дорогу к гардеробной. Не больше.

— Но он «заговорил» с тобой, — не отступала леди Агата, её глаза блестели. — Лично. После того, как многие разошлись. А ведь он почти ни с кем не говорит. Это что-нибудь да значит!

— Может, и значит, а может и нет, — вставила миссис Фэрроу, разглядывая меня так, будто я внезапно превратилась в лотерейный билет. — Герцог известен своей... сдержанностью. Если он уделил внимание молодой леди, пусть и из сострадания, это уже огромное событие для окружающих!

Разговор плавно перетек от моего позора к обсуждению герцога, его состояния, его холостяцкого положения и шансов той или иной девицы привлечь его внимание. Я откинулась на спинку дивана, делая вид, что слушаю, а сама анализировала услышанное. Никто не упомянул о ссоре в коридоре. Значит, её действительно не видели. Моя тайна была в безопасности.

Пока дамы сплетничали, я заметила, как в комнату бесшумно вошла служанка и что-то прошептала на ухо леди Агате. Та нахмурилась, потом кивнула и поднялась.

— Прошу прощения, дорогие мои, — сказала она. — Меня требуют по хозяйственным делам. Анабель, милая, развлекай гостей, я ненадолго.

Она вышла, оставив меня одну с этими ястребами в юбках. Ну, спасибо, услужила!

Миссис Фэрроу немедленно переместилась ближе, будто только и ждала этого момента.

— Скажи, дитя, — начала она, понизив голос, — а лорд Хоу... он тоже был любезен? Говорят, он и герцог неразлучны. И что он, между нами, гораздо более... доступен для общения.

Ага. Значит, Себастьян Хоу тоже был на прицеле у мамаш. В книге он долгое время считался просто другом, пока не влюбился в героиню. Но его расположение могло быть полезным. Дверью в нужный круг.

— Лорд Хоу был очень добр, — ответила я осторожно, немного преувеличив правду. Себастьян действительно выглядел более человечным по сравнению с ледяной глыбой герцога. Леди Смиттон фыркнула.

— Рыцарственность — это, конечно, хорошо, но состояние у него не чета герцогскому. Хотя, для некоторых и это было бы счастьем, — она многозначительно посмотрела на моё скромное платье.

Я лишь улыбнулась, будто не поняв намёка. Внутри же кипело от злости. Да как можно вообще судить о человеке по его внешнему виду?

«Погодите, вы ведь даже не представляете, с кем имеете дело. Я не та, кем кажусь. Я читала ваши биографии, миледи. Знаю, у кого муж заводит романы с актрисами, а у кого долги втрое больше наших. И если нужно, я не постесняюсь этим воспользоваться»

Но вслух я сказала лишь:

— Вы абсолютно правы, леди Смиттон. Доброе сердце, увы, редко идёт в ногу с полной казной.

Через полчаса вернулась леди Агата. Её лицо было озабоченным. Чаепитие быстро подошло к концу. Провожая меня до двери, она сжала мою руку.

— Будь осторожна, дитя, — прошептала она так, чтобы другие не услышали. — Вандербильты не простят тебе этого унижения. Они уже что-то замышляют. А насчёт герцога... — она посмотрела на меня оценивающе, — если это и был шанс, то очень хрупкий. Не упusti его, если представится снова. Ради всех нас. И ради себя самой! — последнее точно было намеком на то, что родители Анабель не сильно ее жаловали. Добрый знак, но... тяжелый.

Я кивнула.

Выходя на крыльцо, где меня ждал старый, скрипучий фаэтон нашего дома, я оглянулась на уютный, пропахший пирогами дом тётушки Агаты.

«Не сломалась. Не расплакалась. Дала отпор. Я молодец!»

Но предупреждение тётушки... то, что Вандербильты замышляют месть. Герцог и правда — призрачный шанс в таком случае. А я застряла в теле девушки, у которой нет ни денег, ни влияния, ни блестящего будущего.

Садясь в экипаж, я поймала себя на мысли, что впервые за двое суток не думаю об аварии, об Андрее, о своём потерянном мире. Мозг был полностью занят новой, смертельно опасной игрой. И в этом, как ни странно, было своё, горькое облегчение. А еще... кажется, мне тут и правда нравится.

Лишь бы потом не пожалеть...

Глава 8

Дома было тихо. Даже слишком.

Никто не вышел меня встретить на крыльцо. Скрипучий фаэтон остановился у облупившихся колонн, кучер молча помог мне сойти, и я осталась стоять одна под низким свинцовым небом. В доме не горел свет в парадных комнатах, не слышно было голосов. Только ветер шелестел сухими листьями в запущенном палисаднике.

Похоже, им и не особо было интересно, как всё прошло. Но... мне же лучше, верно? Меньше пристают, мне спокойнее продвигаться по своему сюжету.

Я вошла в прихожую. Сняла простой плащ и шляпку, повесила их на кривоватую вешалку. Тишина была гулкой, давящей. После шума сплетен и притворных восклицаний в гостиной леди Агаты эта тишина казалась особенно мёртвой.

— Матушка? — позвала я, но голос прозвучал глухо, точно его поглотили толстые стены.

Ответа не последовало. Я прошла в небольшую гостиную. Леди Маргарет сидела у холодного камина, в руках у неё была какая-то вышивка, но игла не двигалась. Она смотрела в пустоту, а на лице застыло выражение безнадежной усталости. Сэр Эдгар, должно быть, был в своём кабинете или, что более вероятно, уехал куда-то по своим вечным, бесплодным делам. Ага...

— Я вернулась, — сказала я, останавливаясь в дверях.

Леди Маргарет вздрогнула и медленно подняла на меня глаза. В них не было ни любопытства, ни тревоги. Только холодная апатия.

— А, — произнесла она безразлично. — Ну, как?

Как будто спрашивала о погоде. Не о том, удалось ли замять скандал, не о том, что сказала тётушка Агата, не о намёках на месть Вандербильтов. Просто «ну, как?». Мать года! Не иначе!

Внутри что-то ёкнуло — не обида, а скорее холодное понимание. Вот она, реальность Анабель. Не просто бедность, а эмоциональная пустота. Родители, сломленные обстоятельствами, давно перестали видеть в дочери личность. Она была для них обузой, неудачным вложением, живым напоминанием о крахе. По крайней мере по поведению матери.

— Всё прошло нормально, — ответила я так же ровно. — Леди Агата передаёт привет. Леди Смиттон интересовалась моим здоровьем.

Я не стала говорить о герцоге. Не перед этим взглядом, полным безразличия.

— Хорошо, — кивнула леди Маргарет и снова уставилась на свою вышивку. — Ужин будет в семь. Если захочешь.

Она не спросила, хочу ли я. Просто констатировала факт. Я повернулась и вышла из комнаты, чувствуя, как по спине бегут мурашки. В этом доме я была призраком. Нежеланным гостем в собственном теле.

Поднимаясь по лестнице в свою комнату, я услышала тихий шёпот из-за двери в буфетную. Горничные. Они всегда болтают.

— ...а она говорит, сам герцог с ней говорил! — доносился сдвинутый смешок. — Ну да, конечно! У неё от стыда крыша поехала после того, как её Беатрис Вандербильт на место поставила!

— Тише, Элси её защищает, ещё услышит! Говорит, правда...

— Элси дура! Нашла, кого защищать. Из этой завалюхи ещё ни одна не вышла в люди, и она не выйдет...

Я замерла на ступеньке, сжав перила так, что костяшки побелели. Сплетни слуг. Как же раздражает! Будто они знают больше всех! Еще и... еще и Элси попала под удар.

Я вошла в свою комнату и закрыла дверь.

Тётушка Агата была права. Шанс, если он и был, — хрупкий. Родителям плевать. Дом разваливается. Враги точат ножи. Опора только одна: знание сюжета. Но сюжет уже пошёл вкривь и вкось. Герцог появился раньше. Ссора с Себастьяном случилась раньше. Я сама, своим присутствием и своими словами, уже внесла изменения.

Нужен был план.

Я подошла к окну и смотрела на унылый парк. В голове, сквозь усталость и остатки головной боли, начал вырисовываться контур стратегии.

Во-первых, информация. Нужно узнать больше о том конфликте между Рэйвенхерстом и Хоу. Это может быть ключом. В книге их ссора была связана с крупной аферой на бирже, которую затеял Себастьян, поставив под удар репутацию и часть капитала герцога. Если это та же история, но начавшаяся раньше... значит, я могу предупредить о последствиях. Или, наоборот, использовать это.

Во-вторых, союзники. Тётушка Агата — ненадёжный, но полезный источник связей. Нужно заручиться её поддержкой, показав, что я не безнадёжна. Элси — единственная, кто, кажется, сохранила доброту. Её лояльность нужно укрепить. Может, даже сделать своим человеком.

В-третьих, ресурсы. Денег нет. Но есть кое-что другое. Знание будущего. Я бы вспомнила, какие акции взлетят благодаря открытию новых торговых путей, какой банк лопнет через полгода, у кого из местных аристократов случится скандал, который можно обратить в свою пользу. В современном мире это называлось бы инсайдерской информацией. Здесь это могло стать оружием или капиталом.

В-четвёртых, главная цель. Выжить — это минимум. Не позволить Вандербильтам раздавить себя. А максимум... Максимум — не просто избежать участи Анабель, а занять в этой истории такое место, чтобы никто и никогда не посмел смотреть на меня свысока или втоптать в землю. Ни леди Смиттон, ни Беатрис Вандербильт, ни даже ледяной герцог Калед Рэйвенхерст.

Внизу пробили часы. Шесть. До ужина час.

Я подошла к туалетному столику, взяла ту самую записную книжку Анабель с жалкими списками и наблюдениями. Открыла её на чистой странице. Взяла перо, обмакнула в чернила.

И вместо «Леди С. — зелёное платье, не идёт» я вывела твёрдым, чётким почерком, незнакомым этой руке:

Шаг первый: узнать о конфликте Рэйвенхерст-Хоу. Источники: слуги герцога (через Элси?), клуб джентльменов (сэр Эдгар? нет, бесполезен), городские сплетни (тётушка Агата).

Шаг второй: найти способ встретиться с лордом Хоу. Он более доступен. Проявить благодарность за помощь?

Шаг третий: подготовить «пророчество» о крахе банка «Ллойд и сыновья» в середине зимы. Проверить, существует ли здесь. Если да — использовать как доказательство проницательности».

Я отложила перо и посмотрела на написанное. С улицы донёсся звук колёс — вернулся сэр Эдгар. В доме на мгновение оживились шаги, потом снова воцарилась тишина.

Я закрыла книжку и спрятала её под стопку белья в комод. Эти записульки не для чужих глаз.

За ужином было тихо. Слишком тихо.

Длинный обеденный стол, рассчитанный на десять персон, накрыли лишь на одном конце. Две свечи в подсвечниках с облупившейся позолотой едва разгоняли мрак, отбрасывая дрожащие тени на потертую скатерть. Леди Маргарет сидела во главе стола, я — справа от неё. Напротив, место сэра Эдгара пустовало. Его прибор не был даже поставлен.

Тишину нарушал только тихий звон серебряных (точнее, посеребрённых) приборов о фарфор и мерное тиканье старинных часов в углу. Яичница с утра казалась пиром в сравнении с тем, что подали сейчас: какая-то мутная похлёбка с плавающими кусочками неопознанного мяса, тушёная в собственном соку капуста и чёрствый хлеб. Еда бедняков, поданная с намеками на былой этикет.

Леди Маргарет ела механически, не поднимая глаз. Плечи были ссутулены. Я наблюдала за ней краем глаза, пока проглатывала безвкусную похлёбку.

— Отец не придёт? — наконец спросила я, нарушая гнетущую тишину. Мой голос прозвучал неожиданно громко.

Леди Маргарет вздрогнула, медленно опустила ложку и посмотрела на пустое место напротив. В её глазах мелькнуло что-то быстрое и острое — страх? стыд? — прежде чем они снова стали пустыми.

— Он... занят, — произнесла она глухо. — Деловые встречи.

— В таком часу? — не унималась я. Было уже около восьми. И я точно слышала, что он вернулся. Ушел снова? Деловые встречи в клубах джентльменов? Или, что более вероятно, в тех самых подпольных игорных домах, о которых я читала между строк в романе? Сэр Эдгар Фэрфакс славился не только неудачными инвестициями, но и страстью к картам. Страстью, которая и доконала остатки его состояния.

— Не задавай лишних вопросов, Анабель, — отрезала леди Маргарет, — Твоему отцу и так тяжело. Он делает всё, что может.

«Чтобы проиграть последние фамильные серебряные ложки», — ядовито подумала я, но промолчала. Давить было бесполезно. Она и так была на грани. Не хватало еще срыва...

Арт. Глава 8

Глава 9

Утром я проснулась не от света, пробивавшегося сквозь шторы, и не от привычного похмельного гула в голове. Меня вырвал из сна резкий, пронзительный женский крик, пробивавшийся сквозь толщу дверей и этажей.

— ...нечем! Ты слышишь меня, Эдгар? НЕЧЕМ! У нас нет этих денег!

Голос леди Маргарет, обычно такой тонкий и апатичный, теперь звучал как натянутая до предела струна, готовая лопнуть. В нём слышались истерика, отчаяние и ярость.

«Мне это не нравится...» — мелькнула мысль в голове.

Я мгновенно села на кровати, сердце заколотилось где-то в горле. Прислушалась. Доносился и низкий, сдавленный мужской голос — сэр Эдгар что-то бормотал в ответ, но его почти не было слышно.

— Играть! Ты всегда играл! — продолжает кричать матушка, — Но с ним? С РЕЙВЕНХЕРСТОМ? Ты совсем рехнулся? Из всех, кому можно было проиграть, ты выбрал именно его?

Моё дыхание перехватило. Я не ослышалась?

«Рейвенхерст? Герцог? Или... его родственник?»

Я сорвалась с кровати, накинула поверх ночной рубашки халат и бесшумно приоткрыла дверь. Споры доносились явно из кабинета сэра Эдгара на первом этаже. Я крадучись спустилась по лестнице, прижимаясь к стене. Двери в кабинет были прикрыты, но не закрыты наглухо.

— Я не выбирал, Маргарет! — наконец прорвался голос сэра Эдгара, хриплый и измотанный. — Карта легла так! Он предложил повысить ставку, я... я думал, что сорву куш! Это был шанс всё вернуть.

— Шанс? Это была ловушка! Ты идиот, Эдгар! Полный, безнадёжный идиот! Он знал, что ты проиграешь! Кто в здравом уме будет играть с Калемом Рейвенхерстом?! — ага, так значит, все-таки с герцогом, — Все знали! Ты был как ягнёнок на заклании!

— Он герцог! Я не мог отказаться! Это было бы оскорблением!

— Лучше бы оскорбил! Теперь мы должны ему пять тысяч фунтов! ПЯТЬ ТЫСЯЧ! Откуда мы их возьмём? Продадим крышу над головой? Уже почти нечего продавать!

Пять тысяч фунтов. В викторианскую эпоху это было состояние. Годовой доход солидного поместья. Сумма, абсолютно неподъёмная для разорившейся семьи.

И он проиграл её Калебу Рэйвенхерсту.

В голове всё завертелось с бешеной скоростью. В книге не было ничего о том, что герцог обыгрывал в карты разорившихся господ. Но в книге и не было ранней ссоры с Себастьяном. Еще одна отсылка?

Я отступила от двери и быстро поднялась обратно в свою комнату. Мысли лихорадочно работали. Герцог теперь был кредитором моей семьи. Нашим прямым и очень могущественным врагом... или, если посмотреть под другим углом, тем, кто держал нас на крючке. Серьёзный рычаг.

Это меняло всё. План «проявить проницательность» для привлечения внимания становился детской забавой. Теперь речь шла о выживании в прямом смысле. Если долг не будет отдан, Рэйвенхерст имел полное право забрать последнее имущество. А что тогда с нами? С позором и без гроша. Меня отправят, в лучшем случае, в бордель или монастырь. А я не хочу ни туда, ни туда.

Элси, войдя с утренним чаем, застала меня сидящей на краю кровати с каменным лицом.

— Мисс, вы уже проснулись... — начала она, но замолчала, увидев моё выражение.

— Элси, — сказала я, не глядя на неё. — Ты слышала?

Она кивнула, испуганно опустив глаза.

— Все в доме слышали, мисс.

— Что говорят внизу? Среди слуг?

Элси поколебалась, но доверие, которое я начала в ней возвращать, перевесило.

— Говорят... что хозяин проиграл огромную сумму. Самому герцогу. И что теперь... теперь, нам всем конец. Что герцог вышвырнет нас на улицу, а дом заберёт за долги.

Она говорила шёпотом, в голосе дрожали слёзы, но она не позволяла им вырваться наружу. Вот это сдержанность! Вот это я понимаю!

Я поднялась и подошла к окну. На улице был серый, неприветливый день. Всё, что я строила вчера — планы, расчёты, — рушилось под тяжестью этого нового, чудовищного факта.

Но сдаваться было не в моих правилах. Ни в каких.

Я повернулась к Элси.

— Соберись...

— Госпожа...

— Если заплачешь, я тоже, а мне сейчас надо подумать... — я пыталась ее так успокоить?

Смешно просто, будто это вообще на кого-то может подействовать.

— Подай чай к завтраку, сейчас не хочу, — тихо добавила я. Элси, вытерла ладонью щеку.

— Мисс...

— Иди.

Она кивнула и выскользнула из комнаты. Я медленно надела простое дневное платье, попыталась пригладить волосы. Нет, этот образ уже ничего не спасет, как по мне.

Через час все же подали завтрак.

В столовой царила атмосфера похорон. Леди Маргарет сидела, прямая как палка, её руки лежали на коленях, сжатые в белые кулаки. Сэр Эдгар, напротив, выглядел раздавленным. Его лицо было землистым, глаза красными и опухшими. Он не смотрел ни на жену, ни на меня, уставившись в свою тарелку с овсянкой, которая остывала, не тронутая.

Я молча села на своё место. Звук отодвигаемого стула отдавал в виски.

— Анабель, — произнесла леди Маргарет, не глядя на меня. Её голос был хриплым от слёз и крика. — Твой отец... — она замолчала, сглотнув ком в горле. — Нам нужно обсудить наше положение.

Сэр Эдгар вздрогнул, но не поднял головы.

— Я всё слышала, матушка, — сказала я спокойно, наливая себе чай. Рука не дрогнула. — Пять тысяч фунтов. Герцогу Рэйвенхерсту.

Отец сжался ещё сильнее, будто от удара. Леди Маргарет закрыла глаза.

— Так значит, ты знаешь, — прошептала она. — Знаешь, в какую пропасть он нас вверг.

— Знаю, — подтвердила я. — И знаю, что слёзы и упрёки нам не помогут. Нужно думать, что делать.

Отец наконец поднял на меня взгляд. В его мутных глазах читалось недоумение. Он ожидал истерики, обвинений, может, даже проклятий. Но не этого холодного, делового тона.

— Что... что делать? — пробормотал он. — Ничего нельзя сделать. Его люди придут через пару часов. Если не будет денег...

— Он подаст в суд, опишет имущество, и мы окажемся на улице, в лучшем случае, — закончила я за него. — Я понимаю.

Дверь в столовую распахнулась с таким грохотом, будто её выбили с петель. Мне не дали договорить.

Мы все вздрогнули и обернулись. В проёме стояли двое мужчин. Не слуги в ливреях, а двое крепких, суровых на вид людей в добротных, но простых сюртуках. У одного, более крупного, на лице красовался шрам от виска до подбородка. У второго, потоньше, были холодные, оценивающие глаза. Они вошли без приглашения, не снимая шляп, а их взгляды скользнули по нам, как по мебели.

— Сэр Эдгар Фэрфакс? — произнёс тот, что со шрамом. Голос был низким, лишённым всякой почтительности.

Мой отец побледнел ещё больше, если это было возможно. Он вскочил, опрокинув стул.

— Вы... вы кто такие? Как вы смеете врываться?

— Господин герцог Рейвенхерст прислал нас за выплатой.

— Вы должны были прийти позже! Я... у меня...!

— Планы изменились, — коротко бросил второй человек. Его глаза остановились на мне, — Его светлость велел проверить, чем вы можете гарантировать долг. Сразу.

— Но это же беззаконие! — закричала леди Маргарет, тоже поднимаясь. Её лицо искажилось от ужаса и ярости. — Уходите! Сейчас же!

Человек со шрамом проигнорировал её. Он кивнул своему напарнику, и тот вышел в холл, отдав какую-то приглушённую команду. С улицы слышались тяжёлые шаги. В дом ввалились ещё трое таких же грубых типов.

— Осмотрите дом, — приказал шрам. — Всё ценное. Картины, серебро, фарфор. Составляйте опись.

— Нет! — закричал сэр Эдгар, бросаясь к нему, но один из вновь вошедших грубо оттолкнул его. Отец отлетел к стене, согнувшись от удара в живот.

В доме начался кошмар. Мы слышали, как в гостиной срывают со стен портреты предков, как гремят ящики комодов, как что-то тяжёлое падает и разбивается. Леди Маргарет зажала ладонью рот, чтобы не закричать, слёзы текли по её щекам ручьями. Я же сидела, вцепившись в подлокотники стула, пока ногти впились в дерево. Внутри всё застыло от леденящего ужаса и бессильной ярости. Унизительная демонстрация власти.

«Раздражает...»

Через двадцать минут, которые показались вечностью, в столовую вернулся тот, что потоньше. Он что-то прошептал на ухо человеку со шрамом. Тот хмыкнул.

— Ничего стоящего, — громко объявил он, глядя на моего отца, который, согнувшись, сидел на полу, прислонившись к стене. — Старый хлам. Даже продавать нечего. Долг, как был, так и остался.

Потом его взгляд медленно, намеренно переполз на меня. Холодные, бездушные глаза скользнули по лицу, платью, фигуре. В них не было пошлости. Но было мерзко и неприятно. Сейчас стошнит насколько.

— Но есть кое-что, что может представлять... временный интерес, — произнёс он, и его губы растянулись в подобие улыбки. — Молодая леди. Непокрытая. Даже из такой семьи... на неё может найтись покупатель. Чтобы отработать часть долга. Или чтобы убедить вас найти остальное.

Леди Маргарет издала звук, похожий на предсмертный хрип.

— Нет! — завыл сэр Эдгар, пытаясь подняться. — Вы не смеете! Она моя дочь!

— Вы должны его светлости, — равнодушно парировал человек. — Всё, что у вас есть, теперь его. В том числе и она. Вам следовало подумать о своих поступках куда раньше. Берите её.

Один из грубиянов шагнул ко мне. Его рука, огромная и грязная, протянулась, чтобы схватить меня за руку. Я оцепенела и не могла двинуться с места, сейчас было страшно. Почти также, как в день аварии.

— Не прикасайтесь ко мне, — прокричала я.

— Молодая леди, не усложняй, — процедил человек со шрамом. — Ты только сделаешь хуже.

Меня поволокли на улицу. Грязные пальцы впились в мою руку выше локтя так, что боль пронзила всё тело, вырывая из ступора.

— Отпустите её! Ради Бога, отпустите! — вопил сэр Эдгар, спотыкаясь, выбежал за нами на крыльцо. Его лицо было искажено таким отчаянием, что даже сквозь собственный ужас я это увидела. Он не просто боялся за имущество или репутацию. Он боялся за меня.

«Похоже, не так уж ему и было всё равно на Анабель», — промелькнула мысль в голове.

— Я найду деньги! Клянусь! Дайте мне ещё день! Один день! — он схватил за руку человека со шрамом, но тот лишь отшвырнул его, как назойливую муху. Отец упал на колени на гравий подъездной дорожки.

Соседские слуги уже столпились у ворот, а из окон соседних домов выглядывали любопытные лица. Позор был полный, оголтелый. Меня, дочь баронета, волокли по земле, как скотину на продажу.

— Папа! — вырвалось у меня само собой, когда я увидела его падение. Я рванулась к нему, но меня дёрнули назад, и я чуть не потеряла равновесие.

— Всё, хватит представления, — буркнул человек со шрамом. — Садись в экипаж. Или мне придется сделать больше...

Глава 10

Меня швырнули на холодный каменный пол, как марионетку, сорванную с верёвок. Ладони больно проскользили по шершавой поверхности, оставляя на коже царапины и ссадины. Но физическая боль была ничтожна по сравнению с унижением и леденящим страхом. Я лежала, не в силах подняться, задыхаясь от пыли и собственного бессилия.

— Это ещё что, Даг? На мешок с монетами не похоже, — раздался над моей головой надменный, холодный голос.

Я подняла голову. Мы были в просторном, мрачноватом кабинете. За массивным дубовым столом, в широком кресле с высокой спинкой, сидел мужчина. Не герцог. Этот человек был лет сорока пяти, с жёстким, бесстрастным лицом, коротко стриженными тёмными волосами и пронзительными серыми глазами, которые изучали меня без тени эмоций. Он был одет безупречно, но без вычурности, а в его осанке читалась привычка к власти. Это был управляющий, стряпчий или, что более вероятно, доверенное лицо Рэйвенхерста, ведущее его «тёмные» дела.

— У старика ни гроша в кармане, ваша честь, — заговорил человек со шрамом, которого, видимо, звали Даг. — Зато дочурка имеется. Можно повыгоднее продать. В один из тех... специфических домов. Или выкупит кто из жалости.

Мужчина за столом медленно откинулся на спинку кресла, сложив пальцы домиком. Его взгляд скользнул по мне с отстранённым любопытством, как по неисправному механизму.

— Ты за кого меня принимаешь, Даг? — спросил он тихо, но в тишине кабинета его слова прозвучали громко. — Я похож на работаровца?

Тот заёрзал на месте.

— Нет? Ну... не знаю, может, тогда отработает сама? Пока папаша всё не выплатит? — он неуверенно хихикнул, но смешок замер, не встретив поддержки.

Отработает... и ежу понятно, что он под этим подразумевает.

Холодный гнев, медленный и страшный, начал подниматься во мне, вытесняя страх. Они говорили обо мне, как о вещи. О товаре. О развлечении. В моём прежнем мире за такие слова можно было засудить за сексуальные домогательства. Здесь же я была всего лишь имуществом, на которое наложили арест.

Мужчина за столом не ответил Дагу. Он продолжал смотреть на меня. Потом его взгляд упал на мои окровавленные ладони, на порванное в локте платье, на лицо, которое, я знала, было бледным и перекошенным от ужаса.

— Встань, — приказал он наконец. Не грубо, но и не мягко.

Я попыталась подняться, но ноги подкосились. Пришлось опереться на край ближайшего тяжёлого стула.

С трудом, но встала, стараясь выпрямиться. Дрожь в коленях я не могла остановить, но спину держала прямо. Я не посмотрела на него исподлобья, как жертва. Я встретила его взгляд. Прямо. Вызывающе. Насколько это было возможно в моём положении.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Леди Анабель Фэрфакс, — ответила я, и мой голос, к моему собственному изумлению, не дрогнул.

— Леди, — он произнёс это слово без тени насмешки, но и без почтения. — Твой отец должен моему патрону крупную сумму. Очень крупную. У него нет денег. У него нет имущества. Что, по-твоему, мне с тобой делать?

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как рёбра упираются в учащённо бьющееся сердце.

— Если вы спрашиваете о практической пользе, — сказала я, — то я, как товар, действительно малоценна. Я не обучена никакому ремеслу, которое принесло бы быстрый доход.

Моя репутация после сегодняшнего зрелища будет уничтожена, так что выгодный брак тоже исключён. Продажа меня в... «специфический дом», как выразился ваш подручный, принесёт разовую сумму, несопоставимую с долгом. А содержание меня здесь, пока отец ищет деньги, — лишь дополнительные расходы.

Мужчина за столом не двигался, но его внимание стало ещё более острым.

— Ты предлагаешь мне тебя отпустить? — спросил он, и в уголке его рта дрогнула едва заметная мышца.

— Нет, — покачала я головой. — Но вам же и не интересно мое мнение, верно? На самом деле вы уже придумали, что со мной делать. Нравится играть во власть? Но по факту власти у вас и нет совсем. Красуетесь перед подчиненными, пока герцога нет и...

Не успела договорить, как Даг, стоявший сзади, резко двинулся вперёд и ударил меня по лицу открытой ладонью. В ушах зазвенело, мир на мгновение поплыл, а на щеке вспыхнула жгучая боль.

Я отшатнулась, едва удержавшись на ногах.

— Заткнись, стерва! — прошипел он.

Мужчина за столом медленно поднялся. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах зажёгся холодный, опасный огонь. Он подошёл к столу, взял со столешницы небольшой, но острый перочинный нож, который лежал рядом с бумагами. Лезвие блеснуло в тусклом свете.

Он подошёл ко мне. Я замерла, не в силах пошевелиться, глядя на этот блеск. Мужчина не спеша провёл кончиком ножа по ткани моего платья у плеча. Раздался тихий, отвратительный звук рвущейся материи. Холодное лезвие коснулось кожи, и я вздрогнула. Он сделал один точный, резкий рывок — и ткань рассеклась от плеча почти до ключицы, обнажив бледную кожу и тонкую ткань нижней рубашки.

— Кожа хорошая, — произнёс он безразличным, оценивающим тоном, как мясник на рынке. — Чистая. Не бо́льная.

Даг, ухмыляясь, шагнул ко мне с другой стороны. Его грубые руки вцепились в подол моего платья.

— Нет! — вырвался у меня хриплый крик. Я забилась, пытаюсь вырваться, оттолкнуть его, но он лишь сильнее сжал пальцы. Ткань натянулась, а потом с треском порвалась. Холодный воздух коснулся оголённых бёдер.

— Бедра широкие... мясистые... — продолжал свой отвратительный осмотр мужчина с ножом, его взгляд скользнул вниз. — Герцогу понравится подарок. В его коллекции такой ещё не было.

«Подарок». «Коллекция». Слова звенели в ушах, смешиваясь с гулом крови. Это был не просто долг. Это была охота. А я — трофей, которого решили преподнести в дар.

Я снова попыталась вырваться, отчаянно, с силой, рождённой чистым животным ужасом. Но Даг снова ударил меня — на этот раз кулаком в живот. Воздух вырвался из лёгких с хрипом, боль пронзила всё тело, заставив согнуться пополам.

— Тише ты, разошелся как, не порть...

Я рухнула на колени, задыхаясь, слёзы наконец хлынули из глаз, смешиваясь с кровью на разбитой губе.

Они стояли надо мной. Два силуэта на фоне тусклого света из окна. Один — с холодным, расчётливым взглядом. Другой — с тупой, жестокой ухмылкой.

— Отведи её в комнату, — раздался сверху тот же бесстрастный голос. — И приведи в порядок. Вымой, переодень во что-нибудь... попроще. Чтобы не стыдно было показать.

Даг грубо схватил меня за подмышки и потащил к двери. В этот раз я не сопротивлялась. Во мне просто на просто не осталось сил.

Меня волокли по коридору, вверх по узкой лестнице. Где-то в глубине сознания, сквозь туман, пробивались чужие слова: «Герцогу понравится подарок». Значит, меня везут не просто в бордель. Меня везут к нему. Лично. В качестве живого трофея, оплаты по долгу.

Встреча с Калемом Рэйвенхерстом была тем, чего я втайне хотела, но совсем не таким образом. Теперь это была не возможность договориться. Это была аудиенция у палача.

Даг втолкнул меня в ту же комнату под крышей и хлопнул дверью. Я услышала, как щёлкнул ключ в замке.

Я осталась одна, сидя на холодном полу, обхватив руками порванное платье на плече, пытаюсь прикрыть наготу. По щекам текли слёзы, но я стиснула зубы, заставляя себя дышать ровнее.

«Соберись, Ань... — приказала я себе мысленно, голосом своего начальника с прошлой работы. — Истерика тебя убьёт. Только холодная голова. Только расчёт».

Арт. Глава 10

Глава 11

Я так и уснула на полу, в изнеможении, прижавшись спиной к холодной стене. Сон был тяжёлым, прерывистым, полным обрывков кошмаров, где за мной гнались тени с ножами и холодными глазами.

За мной пришли только утром. Дверь открылась без стука, и на пороге появился уже знакомый Даг с ещё одним безликим громилой. Ни слова. На мои вопросы — «Куда? Что будет?» — они лишь молча схватили меня под руки и поволокли вниз по лестнице. Я, конечно, пыталась вырваться, но мои силы после вчерашнего были на нуле.

Во дворе ждала простая, закрытая повозка без окон, запряжённая парой лошадей. Меня втолкнули внутрь, даже не дав осмотреться, на голые деревянные лавки. Дверца захлопнулась, запирают снаружи. Внутри пахло сеном, пылью и чем-то затхлым. Через щели в досках пробивался узкий луч утреннего солнца, в котором кружились пылинки.

Голова кружилась, едва ли повозка тронулась, подпрыгивая на неровностях мостовой. Я прижалась к стенке, слушая звуки города, которые постепенно стихали. Сменился ритм колёс — похоже, мы выехали на более гладкую, грунтовую дорогу.

«За город...?»

Сквозь щели доносились обрывки разговора возницы и одного из моих «проводников», вероятно, Дага. Они не стеснялись, думая, что я не слышу или не понимаю.

— ...ну и задница у этой кобылки, а? — хрипло рассмеялся один голос (Даг). — Жаль, не наш куш. Самому бы попользоваться.

— Заткнись, болван, — буркнул второй, более старший и серьёзный. — Это теперь собственность его светлости. Ты хоть понимаешь, что это значит? Малейшая царапина не по инструкции — и тебя самого на шкуру вздернут. Он своих людей не жалеет.

— Да ладно, он её в ту же яму с остальными кинет, — проворчал Даг, но уже без прежней уверенности. — Или в подвал к тем... особым. Надолго ли?

— Не наше дело. Наше — доставить в целости. И чтобы молчала. А то старик её, слышал, вчера чуть свет к лорду Хоу не помчался. Тот, говорят, в ярости. Искал её по всему городу. Вот кому бы меньше всего хотелось переходить дорогу, так это ему...

Моё сердце ёкнуло.

«Лорд Хоу искал меня? Зачем? Мы же по сюжету даже не знакомы... а, если только после бала...»

— Ну и что? — фыркнул Даг. — Хоу против герцога — как мышка против льва. Ничего он не сделает. А девчонку мы уже везём куда надо. В его владения. В «Хоутон-Холле» ей понравится.

Это насмешка. Мне там точно понравится?

Хоутон-Холл... это название, что-то знакомое.

— Там свои порядки, — продолжал старший. — Старая леди Хоутон, мать герцога, там заправляет. Говорят, сумасшедшая. Держит там каких-то... девиц. Для своих целей. Или для сына. Кто их разберёт.

Ледяная волна прокатилась по спине. «Старая леди Хоутон». «Сумасшедшая». «Девиц для своих целей». Каждая фраза добавляла новые, пугающие штрихи к картине того, что меня ждёт.

— Ну, наша-то, поди, недолго продержится, — злорадно заметил Даг. — Слишком уж бойкая. Сломают быстро.

Повозка замедлила ход, потом свернула. Сквозь щели я увидела сменившийся пейзаж — вместо полей мелькнули высокие, тёмные стволы деревьев. Мы въехали в лес. Воздух стал другим — влажным, пахнущим хвоей и прелой листвой. Потом дорога пошла в гору.

Наконец, повозка остановилась. Я услышала скрип тяжёлых ворот, лай собак вдалеке, приглушённые голоса. Дверцу открыли. Передо мной высился не дворец в классическом понимании, а огромный, мрачный замок из тёмного камня. Я прищурилась. Глазам непривычно светло.

Передо мной Хоутон-Холл. Он выглядел не гостеприимным помещьем, а крепостью. Высокие башни, узкие, похожие на бойницы окна, обвитый плющом фасад, который не украшал, а скорее душил здание. Вокруг царила гнетущая тишина, нарушаемая лишь карканьем ворон.

Меня вытащили из повозки. Перед огромными дубовыми дверьми, украшенными чугунным гербом с каким-то хищным животным, стояла пожилая женщина в строгом тёмно-сером платье и белоснежном чепце. Её лицо было морщинистым и жёстким, как пергамент, а глаза — маленькими, чёрными и невероятно проницательными.

— Это она? — спросила она у Дага, даже не глядя на него.

— Так точно, миссис Грейвз. В целости, как приказали.

Женщина, миссис Грейвз, кивнула.

Её взгляд скользнул по моему порванному платью, синяку на щеке, но не задержался. Казалось, она видела подобное тысячу раз и ее это не цепляло совсем. Живая же, верно?

— Хорошо. Ведите. В восточное крыло. В синюю комнату. Его светлость будет после полудня.

Меня снова взяли под руки и повели внутрь. Холл был огромным, холодным и пустым. Под ногами звенели каменные плиты, эхо шагов разносилось под высокими сводчатыми потолками. Мы шли по длинным, слабо освещённым коридорам, мимо закрытых дверей, из-за которых не доносилось ни звука.

«Не дом, а склеп...» — пронеслась мысль.

Наконец, мы остановились у двери, выкрашенной в тусклый синий цвет. Миссис Грейвз открыла её ключом с большой связки, что болталась у нее на поясе.

Комната была... неожиданной. Не камерой и не пыточным залом. Это была обычная, даже довольно уютная спальня в старинном стиле. Кровать с балдахином, туалетный столик, кресло у камина (холодного, нетопленного), даже книжная полка с потрёпанными томами. На столе стоял кувшин с водой и лежало аккуратное сложенное платье — простое совсем, но чистое и целое.

— Ты будешь ждать здесь, — сказала миссис Грейвз своим безжизненным голосом. — Умойся, переоденься. Не пытайся выйти — дверь заперта. Не кричи — никто не услышит. Еду принесут. Когда его светлость соизволит, за тобой придут.

Она вышла, я снова услышала щелчок замка. А потом осталась одна в этой странной, тихой комнате. Это была не яма и не подвал. Это была «клетка». Красивая, даже комфортная, но от этого не менее надёжная.

Я подошла к узкому окну. Оно выходило во внутренний двор, заросший диким плющом и окружённый высокими стенами. Неба было почти не видно. Побег был невозможен.

Значит, оставалось только ждать. Ждать встречи с Калемом Рэйвенхерстом в его собственном логове.

Я посмотрела на платье на столе, потом на своё отражение в пыльном зеркале — избитое, испуганное, но с тлеющей искрой решимости в глазах.

«Хорошо... еще один день в копилку выжившей, да?».

Я проснулась от странного, призрачного ощущения. Не от звука, а от прикосновения. Тёплая, широкая мужская ладонь скользила по моему бедру, под краем грубой ночной рубашки, которую я надела вместо платья. Движение было медленным, почти исследующим. А

губы... губы касались моей шеи, чуть ниже уха. Не поцелуй. Лёгкое, холодное прикосновение, за которым последовало странное, щекочущее ощущение — острое, но не болезненное.

Когда я успела уснуть? В памяти — только ужин, поданный на подносе молчаливой служанкой. Простая похлёбка и хлеб. Я съела всё, измученная голодом и стрессом. Потом села в кресло у холодного камина... и провалилась в чёрную, бездонную пустоту.

«Подмешали что-то...»

Теперь я лежала на кровати, и моё тело отказывалось слушаться, было слишком тяжёлым. Но чувства обострились до болезненности. Я чувствовала каждую шероховатость простыни, каждый след его пальцев на коже, влажное тепло его дыхания на шее.

С уст сорвался тихий, предательский стон. Не от страха. От этого внезапного, запретного, приятного ощущения, которое разлилось по жилам теплом, противостоя ледящему ужасу в глубине сознания. Чёрт побери.

— Не дёргайся, — прозвучал над самым ухом низкий, бархатный голос, в котором слышалось холодное спокойствие и... наслаждение ситуацией. — И больно не сделаю. Пока что.

Этот голос. Я слышала его лишь однажды, мельком, на балу, но забыть его было невозможно. Глубокий, властный, с лёгкой хрипотцой. Калёб Рейвенхерст.

Его губы снова коснулись кожи на моей шее. Острое давление, и лёгкий укус, за которым последовала волна странного, дурманящего тепла. Не боли. Скорее... головокружения. Он не просто кусал. Он «пил». Медленно, почти ласково, его рот прильнул к тому месту, а язык скользнул по коже, заставляя меня содрогнуться. Черт побери, у меня совершенно вылетело из головы то, что он вообще-то не человек. А самый настоящий чистокровный вампир.

Рука, лежавшая на бедре, сдвинулась выше, скользнула по внутренней стороне бедра, заставив всё моё тело напрячься в ожидании, в ужасе и в каком-то порочном, неконтролируемом любопытстве. Пальцы двигались с уверенностью человека, знающего, что ему это принадлежит. Каждое прикосновение пребывало одновременно лаской и напоминанием о моей полной беспомощности.

— Ты пахнешь непокорностью, — прошептал он. Его губы оторвались от моей шеи на мгновение. — Интересная...

Я попыталась заговорить, протестовать, но из горла вырвался лишь ещё один сдавленный звук. Его рука продолжала своё медленное, неумолимое движение, ладонь теперь лежала на самом интимном месте, лишь тонкий слой ткани отделял его кожу от моей.

— Про...шу... — едва выдохнула я, и это слово больше походило на стон. Оно сорвалось само, инстинктивно, но смысл его был двояким. Прошу остановиться. Прошу убрать руку. Прошу прекратить этот сладкий, унижительный кошмар.

— Что? — его губы снова коснулись моей кожи, на этот раз чуть ниже уха, по спине пробежала новая волна. — Хочешь больше? Проси громче...

Он играл со мной. Превращал мой протест в нечто постыдное, в просьбу о продолжении. Его ладонь, лежащая на самом сокровенном месте, слегка сжалась. Пальцы провели едва уловимую линию по тонкой ткани, и всё моё тело ответило на это предательским трепетом.

Я зажмурилась, пытаюсь отстраниться в своём сознании, найти опору в ненависти, в гневе. Но тело, отравленное снотворным и возбуждающее его прикосновениями, жило своей жизнью. Жар разливался из того места, где лежала его рука, поднимался к животу, к груди, смешиваясь с ледящим страхом в голове.

— Я... не... — попыталась я снова, но слова застревают в горле, превращаясь в прерывистое дыхание.

— «Не»? — он повторил с лёгкой насмешкой. Его губы скользнули по моей челюсти к уголку рта. Дыхание смешалось с моим. — Твоё тело говорит иначе. Оно дрожит. Это от страха? Или от чего-то ещё?

Вампир снова прикоснулся губами к ранке на шее, на этот раз чуть глубже, острее. Почти болезненная волна удовольствия смешалась с лёгкой болью и тем же дурманящим головокружением. Я вскрикнула.

— Вот так, — прошептал он удовлетворённо, и его язык лизнул капельку крови. — Громче. Давай, покажи мне, на что ты способна. Кроме дерзких угроз в кабинете моего управляющего.

Его рука наконец сдвинулась. Но не для того, чтобы убраться. Пальцы скользнули под край моей рубашки, коснулись голой кожи живота. Прикосновение было шокирующе тёплым, живым, таким контрастным по сравнению с холодным камнем всего этого места. Они медленно поползли вверх, к рёбрам, к груди.

Паника, чистая и ясная, на секунду пробилась сквозь туман. Я рванулась, насколько позволило одеревеневшее тело, пытаясь откатиться, вырваться. Но он был быстрее и сильнее. Его свободная рука легла мне на плечо, прижимая к матрасу.

— Я же просил не дёргаться, — лёгкая, опасная нотка раздражения. Пальцы на моей коже остановились, впиваясь чуть сильнее. — Ты хочешь, чтобы это стало больно? Я могу. Но, думаю, тебе понравится и другой вариант.

Его губы снова нашли мою шею, но теперь он не пил. Он целовал. Медленно, влажно, оставляя горячие следы по коже к плечу. А рука под рубашкой продолжила свой путь, и теперь его большой палец скользнул по нижнему краю моей груди, едва касаясь чувствительной кожи. Всё внутри меня сжалось, а потом распалось на тысячи противоречивых ощущений.

Я замерла, затаив дыхание. Слёзы выступили на глазах и покатались по вискам в волосы. От бессилия. От стыда. От этого невыносимого, греховного возбуждения, которое он вытягивал из меня против моей воли.

Он почувствовал мою капитуляцию. И, кажется, она доставила ему даже больше удовольствия, чем сопротивление. Его прикосновения стали чуть менее жёсткими, более... исследующими. Вампир водил пальцами по моей коже, как будто запоминая её текстуру, изучая реакцию. Его губы вернулись к ранке, и снова последовал тот же ритуал — острый укус, сосущее движение, волна тепла и слабости.

— Завтра, — повторил он, и его голос стал глубже, хриплее. — Ты будешь говорить. А я буду решать. Останешься ли ты здесь, в этой комнате, в качестве моего... личного развлечения. Или тебе найдётся иное применение. Всё зависит от того, насколько искренни были твои намерения. И насколько... интересной ты окажешься.

Он отстранился. Его вес исчез с кровати. Я так и лежала, не в силах пошевелиться, чувствуя, как горит кожа там, где он касался, как пульсирует ранка, как всё тело ноет от неприкаянного, обманутого напряжения.

— Спи, — прозвучал его приказ из темноты. — Тебе понадобятся силы.

Дверь открылась и закрылась. Тишина, которая воцарилась после его ухода, была громче любого шума. Она была полна эхом его прикосновений, его голоса, его угроз, отклика моего собственного тела.

Я осталась одна. Запятнанная. Помеченная. И совершенно не понимающая, кто я теперь после этого: пленница, жертва или что-то ещё более тёмное и сложное, что только начало прорастать в этой ночи, пахнущей кровью, лаской и властью.

Арт. Глава 11

Глава 12

Утром меня вытащили из комнаты не так чтобы слишком грубо, но и не церемонясь. Та же молчаливая служанка с каменным лицом принесла кувшин с водой для умывания и чистое, простое платье из тёмно-синей ткани. Она не смотрела мне в глаза, не обращала внимания на синяк на щеке или на свежий, едва подсохший след от укуса на шее, который я тщетно пыталась прикрыть воротником. Её молчание было понятнее любых слов: здесь такое видели не раз.

«Сочувствия от тебя ждать не стоит... я поняла».

Меня провели по длинным, всё таким же безжизненным коридорам в столовую. Это была не та огромная, парадная зала, которую можно было ожидать, а сравнительно небольшая, солнечная комната с видом на ухоженный, но бездушный сад. Стол был накрыт для двоих.

И он уже сидел во главе.

Мы будем завтракать одни? Или я буду есть с пола как собака? Ему бы такое понравилось, да? Но... Кaleb Рэйвенхерст выглядел так, будто прошлая ночь была для него не более чем лёгким сном.

Он был одет в безупречный тёмно-зелёный сюртук, чёрные волосы аккуратно зачёсаны назад и собраны в хвост, лицо — свежевыбрито и совершенно спокойно. Он читал какую-то газету, очевидно местную, не поднимая глаз, когда меня ввели. Ни тени смущения на лице, ни намёка на ту интимную, опасную близость, что была несколько часов назад. Он выглядел как деловой человек, готовящийся к утреннему совещанию.

— Садись, — произнёс вампир, наконец, отложив газету и указав на стул напротив. — Выспалась?

Я замерла на мгновение, глядя на него. Игра настолько безупречная, что на секунду я и сама усомнилась: а не приснилось ли мне всё? Может, это был просто кошмар на фоне стресса и снотворного?

Но след на шее пульсировал. Сомневаюсь, что здесь нашелся бы такой большой комар, чтобы оставить его.

Я молча села, стараясь, чтобы руки не дрожали, когда я раскладывала салфетку. Слуга тут же налил мне чаю. Аромат бергамота ударил в нос.

— Я приказал подать лёгкий завтрак, — продолжил он, намазывая маслом тост. — После вчерашних... волнений, вам нужно восстановить силы.

Он говорил о нападении на дом, о похищении или о ночном визите? Как будто его не было вовсе.

— Благодарю, ваша светлость, — выдавила я, сделала глоток чаю, обжигая язык, но боль помогала сосредоточиться. — Вы... очень внимательны.

Он кивнул, как будто приняв благодарность за чистую монету. Его глаза, холодные и пронизательные, на мгновение остановились на моём лице, потом скользнули к шее, где из-под воротника всё же виднелся краешек синяка от укуса. И ничего.

— Мне доложили о ваших словах моему управляющему, — сменил он тему, — Не стоит грубить тому, кто может без зазрения совести поднять руку на женщину.

— Не удержалась, — раздраженно бросила я, — Ровно как и они. Все честно.

— «Не удержалась», — он повторил мои слова, отложил нож для масла. И продолжил: — Это оправдание для глупцов и детей. Вы же, судя по вашим смелым заявлениям, не относитесь ни к тем, ни к другим.

Вампир откинулся на спинку стула, сложив пальцы перед собой. Солнечный свет теперь падал прямо на него, но, кажется, не мог прогреть эту ледяную маску. Кожа на фоне моей казалась почти серой.

И правда вампир.

— Давайте будем откровенны, леди Анабель. Вы здесь не как гостя. Вы — обеспечение по долгу. И у обеспечения есть два пути: быть полезным или быть... ликвидированным. — Он произнёс это слово мягко, почти ласково, — Ваши намёки на информацию, о которых вы кричали по пути к месту временного заключения, дали вам отсрочку. Но отсрочка — не помилование.

Ага! Так меня все-таки слушали, пока я кричала про банк! И все ему доложили? Красавчики, ничего не скажешь. Не упустили. Даже не воспользовались сами. Какие преданные!

— Вы будете полезны, — продолжил он, взгляд стал тяжелее, пригвождающим. — Конкретно, ощутимо полезны. Не расплывчатыми «подслушанными разговорами». Вы предоставьте мне детали. Имена, суммы, даты. Всё, что касается банка. И всё, что вы знаете о намерениях лорда Хоу. Если эта информация сработает, мы обсудим дальнейшую судьбу вашего долга.

— А если я не смогу? — спросила я, и голос мой, к моему ужасу, дрогнул.

Он улыбнулся. Только клыками. Ничего хорошего не обещает.

— Тогда мы найдём вам иное применение. Более... непосредственное. — Его глаза медленно, намеренно прошли по мне, от лица к плечам, к скрещённым на столе рукам. Это был тот же оценивающий взгляд, что и ночью, но теперь при дневном свете он был ещё более унижительным. — Хоутон-Холл — большое поместье. Здесь есть места, куда не попадает солнечный свет. И есть потребности, которые требуют... специфического обслуживания. Моя мать, леди Хоутон, например, имеет свои причуды. Или же... — он слегка наклонился вперёд, и его шёпот был страшнее крика, — ...мы можем вернуться к тому варианту, который, как мне показалось, вызвал у вас не только протест. Ваше тело, леди Анабель, уже дало мне один ответ. Думаю, при должном... терпении, можно получить и другие.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Стыд или ярость, не могу понять точно что больше, закипели во мне где-то в груди, но я сжала зубы, не позволяя им вырваться. Он не просто угрожал. Он напоминал. О моём собственном предательском отклике, о том стоне, что вырвался с губ.

— Вы даёте мне неделю, — сказала я, насколько твердо могла, — Я предоставлю вам то, что знаю. Но я хочу гарантий.

— Гарантий? — вампир приподнял бровь, изображая лёгкое изумление. — У вас нет права требовать гарантий. Вы в долгу. И не только деньгами. Вы в долгу за моё время, — загибает он один палец, — за моё внимание, — второй, — за кровь, что я пролил, разбираясь с этим неприятным делом вашего отца.

Кровь. Он сказал «кровь»? И его взгляд снова скользнул к моей шее. Случайно? Вряд ли.

— Но, — он смягчил тон, будто делая мне одолжение, — в знак доброй воли... если ваша информация окажется ценной, я не передам вас леди Хоутон. И не отправлю в подвалы. Вы останетесь здесь, под моим личным... наблюдением. В той же комнате. Пока не решится вопрос с долгом окончательно.

Замена одной клетки на другую, чуть более позолоченную, но с тем же тюремщиком.

— Ясно, — прошептала я, опуская глаза в тарелку. Больше не было сил смотреть на него.

— Отлично, — он снова взялся за нож и тост, как будто только что обсудил погоду. — Миссис Грейвз снабдит вас бумагой и пером. Изложите всё, что считаете нужным. В деталях. А теперь, пожалуйста, завтракайте. Холодный завтрак — дурной тон.

Завтрак дальше продолжался в гробовой тишине, нарушаемой лишь звоном посуды. Я механически ела, не чувствуя вкуса, хотя еда здесь была куда более изысканной, чем в отчем доме. Это все герцог виноват. Его присутствие давит. Интересно... он ест человеческую еду. А в чашке что? Кофе? И он этим наедается? Или это просто прикрытие «обычности»?

Когда я встала из-за стола, он не поднял глаз, лишь произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.